

Томский
3/1960

В. А. БЕЛЯЕВСКИЙ.

ПРАВДА
О
ГЕН. ДЕНИКИНЕ

(ПРИЧИНЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ
НА ЮГЕ РОССИИ В 1920 г.)

В. А. БЕЛЯВСКИЙ.

ПРАВДА
О
ГЕН. ДЕНИКИНЕ

(ПРИЧИНЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ
НА ЮГЕ РОССИИ В 1920 г.)

1959 г.

На память дорогому другу
Борису Васильевичу от автора

1960г.
20. 11 - 60г.

В. В. Иванов

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Описывая пережитое, должен оговориться, что будучи современником катастрофы — гибели Императорской России и свидетелем настроений казачьей массы, среди которой я тогда находился, я, быть может, не вполне объективен в моем изложении. Только будущий Карамзин, которому станут доступны все исторические архивы, свободный от личных переживаний и впечатлений, руководясь не сердцем, а холодным рассудком, скажет свое последнее слово о каждом видном участнике этой ужасной эпохи и оценит их по заслугам. Нам же, современникам, такая задача едва ли по силам, ибо в наши описания непременно будет вноситься некоторый элемент личной симпатии или антипатии — помимо нашей воли и желаний. Однако, это обстоятельство да не послужит поводом к обвинению меня в пристрастном изложении «Правды о Деникине», подтверждаемой многочисленными и общеизвестными фактами.

В своем очерке я касаюсь только того, что я сам видел и слышал, находясь все время на фронте среди строевого казачества и офицерства, а затем ответственным работником по снабжению Донской и Добровольческой армий, состоя при Главном штабе Всевеликого Войска Донского, имея постоянную и непосредственную связь со штабом генерала Деникина. Все это подтверждено также и некоторыми документальными данными.

Моя задача состоит в том, чтобы привести факты, характеризующие недалекую, а подчас, и неразумную политику генерала Деникина, как Главнокомандующего.

Подрастающее поколение, наша смена — должно знать, что помешало освободить Россию от большевистского наводнения.

Автор.

В. В. Иванов

«Мертвые сраму не имут, но ошибки их и правду о них потомство должно знать и учиться на них».

ПРАВДА О ГЕНЕРАЛЕ ДЕНИКИНЕ.

(Причины прекращения Белого движения на юге России в 1920 г.)

В Октябре 1917 г. большевики пришли к власти. Приход их был подготовлен Февральской революцией.

Временное правительство, в лице наглого и бездарного адвоката Керенского и его соправителей, помогло захвату власти большевиками, разложив армию своей несвоевременной и неумной демократизацией. Опора Российского государства — армия рухнула, обратилась в банду, и эта разнузданная стихийная масса вышла из берегов: над офицерами жестоко издевались, их убивали, жгли, топили, распинали... а потом миллионы дезертиров, под влиянием умелой большевистской пропаганды, двинулись по железным, водным, грунтовым дорогам, оседая в городах и деревнях, топча, ломая и разрушая все на своем пути...

По всей необъятной стране, как смерч, понеслись грабежи, насилия, убийства, пожары... Озверевшая, разгулявшаяся, безумная лавина повсюду оставляла за собою кровавый след. И все это сделал Русский солдат, подстрекаемый большевистскими агентами. На местах большевистские вожди из преступного элемента открыто попустительствовали темным массам, призывая к грабежу и насилиям, участвуя и сами в таковых. Народ был терроризирован.

Дон, не признавший власти большевиков и насильственно захваченной ими власти, оказывал сопротивление. На казачество была большая надежда: многие, гонимые страхом и преследуемые, стремились на Дон, где видели загорающийся луч борьбы с захватчиками и свое спасение.

К этому времени на Дону был избран Донским атаманом величайший из мужей того времени генерал Алексей Максимович Каледин. Туда же прибыл, не менее славный и доблест-

ный, генерал Лев Георгиевич Корнилов (командующие армиями во время войны с Германией). Многие из Российских патриотов верили и надеялись, что эти два русских великана спасут Россию от гибели, как некогда спасли Россию Минин и Пожарский. Во главе казачества стал генерал Каледин, как избранный атаман, а генерал Корнилов стремился объединить и всех других, кто шел под Белое Знамя Добровольческой армии. Эти два доблестных генерала решили действовать заодно, помогая друг другу во всем, ибо у них была единая цель — освобождение родины от большевиков, но Бог судил иначе... В самом же начале зарождения Донской и Добровольческой армий, когда, казалось, что под водительством этих прославленных героев, успешная борьба с большевиками обеспечена, оба этих великих патриота погибли. Каледин был уверен, что казаки, прибывающие с фронта, эти испытанные в войне герои и искони дисциплинированные, остановят движение большевиков, но, на горе России, надежды его не оправдались. Казаки фронтовики, убаюканные большевистской пропагандой и утомленные тяжелой четырехлетней войной с Германией, не вняли призыву своего славного атамана примкнуть к борьбе с варварами-большевиками, но заняли осторожный нейтралитет, а часть даже присоединилась к большевикам. Генерал Каледин, обманутый в надежде на своих родных соколов, не вынес этой трагедии и покончил жизнь самоубийством 11 Февраля 1918 г., а 12 Апреля того же года был сражен большевистским снарядом в бою под Екатеринодаром и доблестный вождь Белого движения, казак Сибирского Войска генерал Корнилов. Вследствие гибели этих двух величайших мужей, надежда на успех борьбы поколебалась и скоро весь Дон был захвачен большевиками.

Незначительные силы, которые к этому времени не успели еще организовать, были вынуждены оставить пределы родного Дона и отошли в Сальские степи, а добровольческие части — на Кубань. Это был первый поход добровольческих частей на Кубань.

Заняв Дон, большевики с отменной наглостью бесчинствовали. Вооруженные, пьяные, потерявшие человеческий облик люди расползались в хутора и станицы, неся с собой беспощадный террор и невероятные насилия, облагая население под страхом смерти произвольными контрибуциями, реквизируя

лошадей, скот и отбирая все, что им нравилось. К этому времени казаки-фронтовики возвращались с Германского и других фронтов и первое время, как сказано выше, занимали, как-бы, выжидательную позицию, но скоро разгадали истинное большевистское лицо и стали кой-где сдерживать разнузданных бандитов и обезоруживать их. Вести о разбоях, бесчинствах большевистских карательных экспедиций и об оказываемом казаками сопротивлении им, как волны радио разносились по всему Тихому Дону.

Казачество в массе насторожилось и стало готовиться к отпору, припрятывая оружие и все необходимое для сопротивления большевикам.

Скоро в Вешенской станице, в верховьях Дона, против бесчинствующих большевиков вспыхнуло восстание, а 6-го Апреля 1918 г. восстали казаки 2-го Донского Округа. Это восстание носило наименование «Суворовского», ибо начало его зародилось в станице Суворовской на Дону.

Большевистский центр находился в то время в Окружной станице Нижне-Чирской. Казаки Суворовской станицы, будучи подготовлены, ожидали удобного случая напасть на большевистский центр. Им было известно, что 6-го Апреля 1918 г. там будет заседать Окружной Совет. Заседание это состоялось указанного числа и затянулось до глубокой ночи. И вот, в эту ночь казаки внезапно напали на заседавших, среди которых находились все ответственные большевистские руководители Округа, часть комиссаров уничтожили, а часть разбежалась и, таким образом, центральная Окружная станица была занята восставшими казаками.

Рано утром колокольным звоном был сделан «всполох». На церковную площадь стекался народ. Было объявлено, что большевистская власть в Окружной станице и окрестностях свергнута. Призывались добровольцы.

На другой день с раннего утра казаки, вооруженные шашками, вилами, винтовками, шли вереницами на сборный пункт для записи добровольцами в дивизию генерала Ивана Платоновича Донскова. Казаки и казачки, старые и малые, несли оружие, патроны, обмундирование и все, что было припрятано и необходимо для комплектования частей.

Окружным атаманом стал временно генерал Растегаев, начальником штаба по формированию и руководству восстанием

назначен полковник Бородин С. К., другие офицеры и чиновники получили назначения по принадлежности. В течение короткого времени была сформирована дивизия под начальством генерала Донского И. П. и стала лицом к Царицину против большевиков. Спешно были восстановлены оружейные мастерские, ремесленные школы и другие предприятия и учреждения. Работа закипела во всех отраслях военной необходимости.

Руководители Суворовского восстания хорошо понимали, что они зажгли искру смелого выступления против пришельцев в то время, когда весь Дон был во власти большевиков, и что под боком находится красный Царицын — главное большевистское гнездо. «Суворовцы» спешили распространить свой сполох и на другие окрестные станицы и хутора.

Разведка установила, что многочисленный враг двигается на них со всех сторон. Борьба становилась не под силу и так как было известно, что походный атаман генерал Попов П. Х. находится с группой офицеров и казаков в Сальских степях, «Суворовцы» решили послать двух казаков-гонцов известить генерала Попова, что Нижне-Чирская станица и некоторые хутора заняты восставшими казаками и нуждаются в срочной помощи.

Гонцы удачно и скоро нашли отряд Попова и доложили о наступавших большевиках.

Походный атаман отпустил генерала Мамонтова. С ним добровольно пошли 80 офицеров и несколько казаков. Отряд генерала Мамонтова имел при себе одно орудие и несколько пулеметов.

Генерал Мамонтов не дремал, спеша на соединение с восставшими «Суворовцами», по пути присоединил к себе добровольцев почти исключительно из казаков-калмыков и по дороге сформировал из них две боевых сотни.

Приход в станицу Нижне-Чирскую группы офицеров и двух сотен казаков усилил, а, главное, воодушевил восставших казаков 2-го Донского Округа. Генерал Мамонтов принял руководство восстанием и скоро расширил фронт борьбы. Фронт стал быстро расти.

Восставали и низовые станицы. Скоро из них была сформирована «Южная группа» под командой полковника С. Б. Денисова и начальника штаба полковника И. А. Полякова, которая на второй день Пасхи, 3-го Апреля 1918 г. освободила

столицу Дона — Новочеркасск.

Это событие имело огромное моральное значение для казаков, понудив даже малодушных и колебавшихся взяться за оружие.

К этому времени подошел и степной отряд походного атамана генерала Попова.

С очищением от большевиков столицы Дона, в конце апреля 1918 г. собрался «Круг», но он не назвал себя Войсковым, ибо тогда Войско еще не было освобождено, а назвал себя скромно и мудро — «Круг Спасения Дона». Этот Круг избрал генерала Петра Николаевича Краснова Донским Войсковым атаманом, возложив на него борьбу с большевиками и дав ему полноту власти во всех его действиях.

«Круг Спасения Дона» верил, что генерал Краснов сделает все, что от него будет зависеть. В его мудрости Круг не сомневался.

Атаман Краснов, со всей присущей ему энергией и умением, принялся за возложенную на него ответственную работу. Он немедленно сформировал Донское Правительство, выработал проект основных законов и конституцию, назначил командующим Донскими армиями генерала С. В. Денисова, начальником штаба армии и войскового штаба полковника И. А. Полякова, поручив им организовать борьбу с большевиками. Во исполнение этого названные лица начали энергичную работу. Вскоре разрозненные группы восставших казаков превратились в организованные единицы; одновременно под их руководством шла организация и молодой армии.

Вооружение, снаряжение, боевые припасы и все необходимое генерал Краснов изыскивал всеми возможными способами, не гнушаясь выменивать на хлеб все это у немцев, ибо в то время другого источника не было, а потребность во всем была велика, так как Донская армия с каждым днем увеличивалась, кроме того нужно было снабжать и Добровольческую армию и другие союзные группы.

Через короткое время Донская армия под водительством атамана П. Н. Краснова стала угрозой большевикам. Красная армия терпела поражения.

Озлобленный Лейба Троцкий, стоявший тогда во главе красной армии, истерически призывал свои полчища к усиленной борьбе с «Донской контр-революцией». Он чувствовал

силу генерала Краснова, видел грозившую опасность для советской армии и говорил: «Если мы сокрушим Красновскую банду — мы докажем всему миру свою непобедимость. Знайте, что на Донском фронте решается судьба советской республики».

Атаман Краснов видел, что большевистские вожди принимают исключительные меры по усилению и реорганизации красной «гвардии», прибегая к бесчеловечным карательным мерам. Под страхом смерти они используют царских генералов и офицеров и уже под их руководством создают красную армию, которая представлялась значительной силой, а этой силе нужно было противопоставить другую силу, поэтому генерал Краснов искал союзников и способы для возможности успешной борьбы с большевиками: он установил связь с Францией, Польшей, Германией, Украиной, Грузией, Крымом, дабы иметь помощь в совместной борьбе; принял меры к созданию Дону-Кавказского Союза, выработал проект такового и этот проект согласовал со всеми членами Союза, имея уже крупные силы, хорошо организованные и снабженные всем необходимым, тогда как «Советы» имели в то время против Донской армии в три раза большие силы, но, несмотря на это превосходство, Донская армия достигла почти всех рубежей — на Севере, Западе и Юге и только на Востоке, в Сальских степях, большевики владели небольшой частью Донской территории.

Для того, чтобы обеспечить административное устройство на рубежах области и продвигаться дальше, необходимо было овладеть следующими пунктами в районах Саратовской и Воронежской губерний: Царицын, Камышин, Балашов и Калач. Для выполнения указанного выше задания Донская армия вела упорные и напряженные бои и успешно продвигалась по намеченному плану, с другой стороны и большевики вводили новые силы, стараясь задержать быстрое и смелое продвижение Донцов, сосредоточив в направлении ст. Таловой крупные силы и перейдя в контр-наступление, но были разбиты частями генерала Гусельщикова.

Донская армия, напрягая свои силы, успешно выполняла намеченный план своего атамана, создавая угрозу большевикам, и этот успех вызывал в большевистском стане буквально трепет, но, как бы завидуя успехам Донской армии, генерал Деникин, принявший на себя после смерти генерала Корнилова

командование Добровольческой армией, настаивал оторваться от Донцов и идти вторым походом на Кубань.

Генерал Алексеев не одобрял этого намерения Деникина, он доказывал, что в настоящее время Добровольческая армия доживает последние гроши, оружия и боевых припасов нет. Бросая Дон, мы можем лишиться его помощи, а ведь мы теперь питаемся только ресурсами Дона и Донской атамана, его правительство и командование категорически настаивают на скорейшем взятии Царицына, пробивая путь к соединению с Восточными группами, которые храбро борются против большевиков. Учитывая серьезность положения и эти разногласия, генерал Алексеев предложил устроить совещание с Донским атаманом и его правительством.

15-го Мая 1918 г., в станице Манычской на Дону, состоялось указанное совещание с генералом Красновым и его правительством, в котором от Добровольческой армии приняли участие: генерал Алексеев, Деникин, Романовский, Кубанский атаман Филимонов и др.

Генерал Краснов на указанном совещании настаивал на немедленном движении Добровольческой армии к Царицыну, где есть пушки, снаряды и деньги, где население всей Саратовской губернии враждебно настроено к большевикам. Царицын должен послужить в дальнейшем нашей базой и историческим началом для освобождения России.

Генерал Алексеев разделял мнение генерала Краснова, в душе был согласен с ним, но молчал...

Дон в лице Краснова давал Добровольческой армии деньги и обещал обеспечить боевыми припасами и всем необходимым для борьбы, а также и пополнением до Царицына людским составом, а там, дальше... все это приложится само собою, ибо быстрый разгром большевистской Царицынской армии оставит нам богатую добычу, которая необходима для дальнейшей борьбы. Там мы найдем богатое пополнение людьми. План взятия Царицына им уже разработан. По плану Краснова Деникин должен был бы находиться в некоторой зависимости, против чего последний решительно протестовал, но к нему, скрепя сердце, присоединился генерал Алексеев и высокие представители этого совещания разъехались, унеся с собою чувства неудовлетворенности и разочарования.

После этого совещания, генерал Деникин избегал встречи

с генералом Красновым, как он и сам говорит об этом в своих очерках «Смута», и отклонял всякую с ним переписку, а генерал Краснов не переставал призывать Добровольческое командование к выполнению его плана, предложенного на совещании 15-го Мая 1918 г.

Генерал Краснов неоднократно изливал свою скорбь в письмах на имя генерала Алексева, Эльснера и др., настаивая спешно идти на Царицын. Он указывал, что в этом случае Добровольческая армия получит возможность соединения и с атаманом Дутовым и, вообще, с другими восточными Белыми частями, восставшими против большевиков. После указанного совещания, генерал Алексеев, сначала согласившийся с мнением генерала Деникина, не раз писал ему, находясь в Новочеркасске, что следовало бы идти на Царицын. Так: в письме от 30 Июня 1918 г. он писал генералу Деникину, что теперь углубление Добровольческой армии на Кубань может повести к гибели Белого Движения, ибо мы еще не достаточно окрепли и слишком малочисленны, центр тяжести событий, решающих судьбу России, перемещается на Восток и ситуация в данный момент такова, что мы не должны опоздать в выборе минуты появления на главном театре войны — на Востоке.

Несмотря на все это, генерал Деникин 9-го Июля 1918 г. дал распоряжение повернуть свою армию на Юг, лицом к Торговой, Тихорецкой и т. д., и 17 Июля 1918 г. Добровольческая армия выступила во второй Кубанский поход.

Таким образом, на Царицынском фронте задача Добровольческой армии была окончена; Добровольческая армия оторвалась от Донской армии, оголив фронт без предупреждения.

Донское командование, узнав что этот район остался оголенным, поспешило сосредоточить в это место свои Донские части за счет других фронтов, бросая их в район Великокняжеской и в др. места. Эти части, под командованием генерала Быкадорова, теперь уже без Добровольцев, очистили Сальский Округ, продвигаясь по жел. дор. линии: Двойная, Зимовники и т. д.

Слободы Орловская и Мартыновка, распропагандированные большевиками, оказывали Донским частям упорное сопротивление и особенно большевистская, очень сильная «Сорокинская» армия, будучи осведомлена о разногласиях в планах Донской и Добровольческой армий, 18-го Июля 1918 г. начала

сильное давление на линию Кагальницкая и Мечетинская и заняла эти станицы, угрожая разъединению Донской и Добровольческой армий.

Генерал Краснов и командование Донской армии были возмущены поведением генерала Деникина, оставившего этот фронт открытым и тем давшего возможность большевикам легко занять указанные станицы.

Это обстоятельство внесло, конечно, замешательство, нарушило общий план действий. Атаман Краснов через генерала Богаевского писал в штаб Деникину, что для него и Донского командования было полной неожиданностью обнажение линий сообщений, которые теперь находятся под ударом противника, указывая на опасность таких необдуманных приемов и не согласованных действий, тем не менее генерал Деникин действовал по своему, не обращая внимания на заявления генерала Краснова и не отвечая на его письма, но от Донского правительства требовал обеспечения армии всем необходимым, и Донское правительство, иногда в ущерб своей армии, старалось снабдить Добровольческую армию всем, чем возможно, ибо как генерал Краснов, так и Донское правительство, естественно, считали Добровольческую армию, проливающую кровь за общее дело спасения России, далекой от ссор и разногласий, по плоти и крови своей армией.

Высокомерие, упрямство, стремление к власти генерала Деникина было, без сомнения, во вред общему делу. Генерал Деникин имел в своем распоряжении лишь около 10-ти тысяч штыков и сабель, без территории, средств и народа, на который он мог бы опереться, а Дон к этому времени был самостоятельным, имел уже более чем 50-ти тысячную армию, выборного атамана и свое правительство, при пяти миллионах населения, готового поголовно встать на борьбу с большевиками под водительством своего избранника. Сепаратные решения и действия генерала Деникина Дон считал необдуманными и недопустимыми, тем более, что генерал Краснов к этому времени договорился со всеми группировками, которые были против большевиков и самоотверженно шли для выполнения его плана.

Платформа Кубанского правительства и Рады соответствовала платформе Донского правительства, которая была определена постановлением Рады, а именно:

1. Необходимо продолжение героической деятельности Добровольческой армии в полном согласии с Кубанским правительством.

2. В настоящее время вооруженная борьба с центральными державами (с немцами) не целесообразна, но необходимо принять меры для предотвращения продвижения германской армии в пределы края без согласия на то Кубанского правительства.

3. Необходимо полное единение с Доном и заключение союза с таковым, а также добиваться скорейшего создания Доно-Кавказского союза по декларации генерала Краснова.

4. Немедленно отправить делегацию в Новочеркасск для выяснения всех обстоятельств и взаимоотношений друг к другу.

В Ростове с немцами, для выяснения целей германского движения; в Киеве — с Украинским правительством, добиваться помощи в деле военного снабжения и по другим вопросам о взаимной борьбе с коммунистическим злом.

Указанное выше постановление Кубанской рады не нравилось генералу Деникину и его ближайшему окружению. Не был в полном контакте с Правительством и Кубанский атаман, полковник Филимонов и когда, 30 Мая в Мечетинской (Дон) состоялось собрание, он, поддержанный штабом Добровольческой армии, обрушился с большим гневом на свое правительство и Раду, угрожая расправиться с таковыми... После этого заседания, поздно ночью, как говорит Деникин в своих очерках, к нему пришли совершенно растерянные и взволнованные Быч — председатель Кубанского правительства и полковник Савицкий — член правительства по военным делам, прося оградить их от самосуда, на который толкал атаман Филимонов и другие, а другими и были... Деникин и Романовский.

Генералу Деникину, с одной стороны, не нравилась Рада и ее правительство и он хотел иметь послушного во всем атамана Филимонова, но с другой стороны, он боялся, что насильственный переворот мог вызвать возмущение среди рядового казачества, а главное, толкнуть свергнутое Кубанское правительство в объятия немцев, которые, несомненно, приняли бы его, решив «легально» вторгнуться на Кубань. Поэтому генерал Деникин в ту же ночь предупредил полковника Филимонова — временно воздержаться от расправы с Кубанской властью и Радой.

В то время когда Деникин и Романовский, добиваясь абсолютной власти над правительством казачества, вносили смуту и вели интриги, большевики в начале Августа 1918 г., сосредоточив большие силы на Царицынском фронте, повели большое наступление от города Царицына и оттеснили находившийся уже около Царицына корпус генерала Мамонтова за Дон, но генерал Мамонтов скоро получил сильное подкрепление из состава молодой армии и, перейдя в контр-наступление, вновь опрокинул большевистскую армию и подошел к самому городу Царицыну.

У большевиков под Царицыном создавалось угрожающее положение, так как в указанных выше сражениях их армия сильно пострадала.

Царицынская большевистская тройка: Сталин, Микоян и Ворошилов забили тревогу, засыпая Москву отчаянными телеграммами, считая положение Царицына безнадежным. Но к их благополучию и нашему величайшему сожалению, их выручила прибывшая к Царицыну из Ставропольского района дивизия Жлобы, «стальная», как ее называли большевики, оторвавшаяся от соприкосновения с Добровольческой армией, но последняя по каким-то непонятным причинам не преследовала «стальную» дивизию, бросившую Ставропольский фронт и спешившую на спасение Царицына. Так как Донская армия оказалась под угрозой охвата своего правого фланга дивизией Жлобы, — Донцы принуждены были отойти обратно к Дону, а вследствие этого возможный разгром большевистской армии и взятие города Царицына были сорваны.

С лихорадочной поспешностью и упорством большевистское командование стягивало на Донской фронт свои многочисленные силы за счет Украинского и даже Восточного фронтов.

Донская область, под давлением многочисленных полчищ красной армии, имела громадное напряжение сил и жертв.

В это тяжелое время нужна была взаимная помощь и единение, но, к сожалению между Донским и Добровольческим командованием отношения были весьма тягостны, интриги и склоки Добровольческого верховного командования против Донского атамана увеличивались. В эти интриги были вовлечены и некоторые генералы и лица из Донского правительства и общественности.

Донскому атаману и командованию приходилось работать

с большим напряжением и трудностями. Планы борьбы с большевиками атамана Краснова, основанные на объединении всех народностей и групп, настроенных против большевиков, командованием Добровольческой армии упорно разрушались из-за честолюбия и непонимания, что сила — в единении.

Еще в Июне месяце 1918 г. атаман Краснов прислал для подписи Кубанскому атаману полковнику Филимонову декларацию Доно-Кавказского Союза, но Филимонов, находясь под влиянием командования Добровольческой армии (Деникина), указанную декларацию затягивал, ибо эта декларация не нравилась генералу Деникину и генералу Романовскому, как и другие благие начинания Краснова, и они всеми мерами старались мешать их исполнению.

Необходимо отметить, что эта декларация со всеми другими членами Союза была согласована и они охотно шли на взаимную помощь в борьбе с большевиками.

Текст ее гласил: «Тяжесть ударов судьбы обрушилась на нашу Родину-Россию. В видах сохранения своей независимости, благополучия и достояния и общих интересов близких по духу народов, населяющих Юго-Восток, в Октябре 1917 г. мы провозгласили себя Юго-Восточным Союзом, пребывая в уверенности, что общими усилиями Союз этот сумеет противостоять наступающим темным силам, поправшим все Божеские и человеческие законы.

Начавшаяся борьба с большевиками дала временный успех последним. Ныне Господь благословляет успехом наше оружие: край наш ожил. Однако, имея в виду, что для похода в наши степи и горы готовятся новые полчища и, в видах государственной необходимости, атаманы: Всевеликого Войска Донского, Войска Терского, Войска Кубанского, Войска Астраханского и председатель Союза Горцев Северного Кавказа, беря на себя всю полноту Верховной Государственной власти, настоящим провозглашают суверенным государством Доно-Кавказский Союз.

Объявляя об этом, просим Вас, милостивый государь, передать Вашему правительству ниже-следующее:

1. Доно-Кавказский Союз состоит из самостоятельно управляемых государств: Всевеликого Войска Донского, Кубанского Войска, Астраханского Войска и Союза Горцев Северного Кавказа и Дагестана, соединенных в одно Государство на на-

чалах федерации.

2. Каждое из Государств, составляющих Доно-Кавказский Союз, управляется во внутренних своих делах согласно с местными законами, на началах автономии.

3. Законы Доно-Кавказского Союза разделяются на общие для всего Союза и местные, каковые каждое Государство имеет свои.

4. Доно-Кавказский Союз имеет свой флаг, свою печать и свой гимн.

5. Во главе Доно-Кавказского Союза стоит Верховный Совет из атаманов (или их заместителей): Донского, Кубанского, Астраханского и главы Союза Горцев Северного Кавказа и Дагестана, избирающих из своей среды Председателя, который и приводит в исполнение постановления Верховного Совета.

6. При Верховном Совете периодически собирается не менее раза в год Сейм Представителей от населения государств, входящих в Доно-Кавказский Союз.

7. Сейм собирается распоряжением Верховного Совета, объявленным через его Председателя, и вырабатывает общегосударственные законы, утверждаемые Верховным Советом.

8. Доно-Кавказский Союз имеет общую армию и флот. Командующий всеми вооруженными силами Союза назначается Верховным Советом.

9. Доно-Кавказский Союз имеет общих министров, назначаемых Верховным Советом:

Иностранных дел,
Военного и морского,
Финансов,
Торгово-промышленного,
Путей сообщения,
Почты и телеграфа,
Государственного контроля и
Государственного Секретаря.

10. Временной резиденцией Правительства Доно-Кавказского Союза объявляется город Новочеркасск.

11. Доно-Кавказский Союз имеет общие: монетную систему, кредитные билеты, почтовые и гербовые марки.

12. Доно-Кавказский Союз, провозглашая себя самостоятельной державой, объявляет вместе с тем, что он находится

в состоянии нейтралитета и, не будучи в состоянии войны с какой-либо державой мира, борется лишь с большевистскими войсками, находящимися на его территории.

13. Доно-Кавказский Союз намеревается и впредь поддерживать мирные отношения со всеми державами и не допускать вторжения на свою территорию никаких войск, хотя бы для этого пришлось отстаивать интересы своих граждан вооруженной силой.

14. Доно-Кавказский Союз настоящим изъявляет свое намерение вступить в торговые и иные сношения с державами, которые признают его державные права.

15. Границы Доно-Кавказского Союза очерчиваются на особой карте, при чем в состав территории входят: Ставропольская и Черноморская губернии, Сухумский и Закатальский Округа и по стратегическим соображениям южная часть Воронежской губернии со станцией Лиски и городом Воронежем, а также часть Саратовской губернии с городом Камышином, Царицыном и колония Сарепта.

16. Доно-Кавказский Союз выражает уверенность, что возникновение его будет благоприятно принято всеми державами, заинтересованными в его существовании, и что они не замедлят прислать своих представителей, равно как и Союз не замедлит послать свои дипломатические миссии к признавшим его державам».

Генерал Деникин не согласился с созданием Доно-Кавказского Союза, который, по его мнению, не отвечает лозунгу «Единая неделимая Россия». Свое несогласие он выразил в письме на имя Председателя Донского Правительства, помещенном ниже. Генерал Деникин не учитывал веяний того времени и стремления окраин к самостоятельности, а у генерала Краснова была единая политика — привлечь эти окраины к самостоятельности и борьбе с большевиками, ибо другого выхода в то время и не было, и нужно было спешно организовать против-большевистскую силу. Эта сила была уже готова и согласована с окраинами, тогда как генералу Деникину нужна была единоличная, абсолютная власть, и он со своим окружением буквально разрушал планы атамана Краснова.

Генерал Деникин в своем письме на имя Председателя Донского правительства генерала Богаевского сделал следующий ультимативный запрос:

Выдержка из письма Деникина.

Добровольческая армия, имеющая целью возрождение Единой Великой России, кровию своей сроднилась с Доном и Кубанью и далее. Перед выполнением своей основной, исторической задачи она поможет и Тереку освободиться от большевиков. Прежде всего создается впечатление, что речь идет о создании постоянной державы на подобие самостийной Украины?

Ответ Краснова резолюцией: — «Это не верно»

Пункт 4 устанавливает особый флаг державы, в то время, когда вряд ли допустимо иметь какой-либо другой флаг помимо родного Русского.

— «Согласен»

Пункт 1, 12 и 15 особенно подчеркивают стремление к самостоятельности и дальнейшему расчленению России.

— «Ничего подобного»

Определенно указать, что Союз образуется временно, впредь до воссоздания России.

— «Само собою разумеется»

Включить в состав проектируемого Верховного Совета представителя Добровольческой армии и военного губернатора Ставропольской губернии.

— «Можно»

Командующим всеми вооруженными силами Союза назначить командующего Добровольческой армии.

— «Никогда»

Окончательная редакция декларации должна быть выработана после созыва большого Круга на Дону и Рады на Кубани при участии представителя Добровольческой армии, игнорировать которую недопустимо.

— «Совершенно верно, но при чем тут Добровольческая армия?»

После того как генерал Деникин получил отказ быть верховным командующим вооруженными силами Доно-Кавказского Союза, он и его ближайшее окружение усилили интриги против генерала Краснова.

Борьба за власть создала невозможную атмосферу для спокойной и плодотворной работы. Большевики, конечно, были осведомлены об этих разногласиях, вели разлагающую пропаганду, раздували и увеличивали сплетни, особенно старались,

чтобы эти сплетни проникали в армию, а вместе с тем увеличивали свои силы со всех сторон Дона.

Командованием Добровольческой армии был запутан и вопрос о едином денежном обращении, выпустившим свои денежные знаки, наводняя ими Дон, Кубань и др. места, чем создавался хаос и обесценение денежных знаков Донского правительства. Генерал Краснов в своем письме от 3/VIII - 1918 г. на имя ген. Алексеева и по этому поводу предлагал командованию Добровольческой армии скорей осуществить Доно-Кавказский Союз и, согласно декларации такового, установить единую валюту и единые министерства, опять призывая к единению и общей дружной работе, указывая на гибель Белого Движения при создавшемся положении.

Генерал Алексеев сознавал трагизм положения, разделяя предложение генерала Краснова, письмо это он размножил и послал спешно генералу Деникину и Лукомскому, но Деникин посчитал это предложение клочком ненужной бумажки и ограничился молчанием в полной уверенности, что ожидаемый созыв Большого Войскового Круга изберет атаманом генерала Богаевского*), выдвигаемого Деникиным, и тогда он мнил бы себя полным владыкой Юга России, после — на Востоке, а затем и в Москве... При таком напряженном положении 15 Августа 1918 г. собрался Большой Войсковой Круг.

Генерал Деникин на этот Круг прислал своего представителя генерала Лукомского, которому дал секретный письменный наказ от 12 Авг. 1918 г., гласивший: «так как личная политика генерала Краснова совершенно не совпадает с занятой нами, то всемерно избегать поддержки Краснова; доказывать, что выделение добровольческих частей на Царицынский фронт пользы не принесет» и пр. и пр.

Большой Войсковой Круг 15 Августа 1918 г. приступил к работе и потребовал от атамана Краснова и его правительства отчета о проделанной работе и его планах на будущее.

Генерал Краснов подробно доложил Кругу о трудностях, особенно в первое время создания армии для борьбы с большевиками, о снабжении армии всем необходимым, упомянув, что созданная армия ничего не имела и казаки восставали с

*) Деникин почему-то надеялся, что Богаевский будет во всем ему послушным.

вилами и топорами. С восставшими группами казаков было необходимо наладить связь, оказывать им всякую помощь, организовать, дабы они могли сопротивляться врагу, вооруженному до зубов; нужно было дать им руководителей, умеющих вести эти части в бой, наладить снабжение вооружением, снарядами и всем необходимым; для борьбы на местах восстаний необходимо было принять меры для пополнения восставших групп и расширения таковых уже путем мобилизации людей в освобожденных станицах и т. д. Параллельно с этим, нужно было организовать центральную власть, восстановить работу учреждений, предприятий, наладить снабжение населения для нормальной жизни, так как все было разрушено наглыми пришельцами. Работать командованию и правительству приходилось почти круглые сутки. «Я благодарю созданное мною правительство за то, что оно понимало в это исключительное время, где нужно — проявить энергию и отдать все свои знания и силы, чтобы выполнять возложенные на него обязанности. Оно это делало. Все мои поручения выполнялись с охотой и большой жертвенностью. Наряду с этим явилась необходимость создания молодой армии, которая уже приняла боевое крещение в сражениях с большевиками и своею доблестью доказала на деле свою мощь и преданность. Она заслуживает похвалы. Эта наша надежда и опора.

Для того, чтобы вооружить, оснастить и одеть армию, мне пришлось обратиться за помощью к немецкому правительству и нужно было проявить мудрость и умение, чтобы доказать, что помощь эта взаимно необходима.

Указанное правительство пошло мне навстречу. Я получил и получаю почти все, что нам необходимо для армии. Правда — что все то, что дают нам немцы, — это остатки от снабжения бывшей Русской армии, но все это находилось в их ведении.

Тяжело приходилось переживать, что некоторые из Добровольческого командования не понимали моих намеченных планов и особенно упрекают меня за то, что я имел связь с немцами, но ведь эта связь нам была необходима, как воздух, ибо без этого мы не имели бы возможности снабжать армию и получать то, что нам нужно как для себя, так и для Добровольческой армии.

Налажена связь: с Германией, Францией, Польшей, Украиной, Грузией, Крымом и др. Во все эти места посланы пред-

ставители; названные страны тоже прислали своих представителей. Все это необходимо для успешной борьбы. Я исхожу из русских пословиц: «один в поле — не воин» и «в единении — сила». Эти мудрые изречения мною поставлены в план борьбы, как основа и краеугольный камень при сопротивлении злу». Так говорил атаман генерал Краснов.

Мы имеем проект декларации Доно-Кавказского Союза. Со всеми участниками Союза имеется договоренность о необходимости такового за исключением Кубанского атамана, который медлит со своим согласием по причинам недоговоренности с командованием Добровольческой армии.

Создание Доно-Кавказского Союза вызывается крайней необходимостью, ибо борьба с большевиками в одиночку невысказана. Этим вопросом необходимо заинтересоваться Кругу и ускорить его осуществление. Все группы, которые против большевиков, — наши и мы обязаны иметь с ними связь и оказывать друг другу взаимную помощь. Только при согласованной дружной борьбе победа над большевиками будет обеспечена.

Кругу был предложен проект конституции, о провозглашении Дона самостоятельным государством.

Большой Войсковой Круг, выслушав доклад атамана Краснова, одобрил его действия и все намеченные им планы для дальнейшей работы, утвердив Краснова в его должности, а за блестящую работу произвел его в чин Генерала от кавалерии.

Большой Войсковой Круг, объявляя Дон самостоятельным государством впредь до освобождения России от большевиков, принял во внимание, что бывшая Православная Матушка-Россия стала красной безбожной совдепией, Донская же Область осталась свободной от советов и не признающей их власти, в силу этого она и объявила борьбу с коммунистической тиранией, положив в основу — защиту своей родной земли и стремление к совместной борьбе с другими народами для полного уничтожения коммунистического зла. А самое главное — всемерное стремление к освобождению Матери-России от насильственного захвата ее безбожной властью.

Круг вынес свое решение о принятии решительных мер для скорейшего осуществления Доно-Кавказского Союза и постановил: держать связь и координировать свои действия для победы над большевиками со всеми группами, не признающими

большевиков, оказывая друг другу всемерную помощь.

Атаман Краснов, поблагодарив Круг за оказанную честь и доверие, приступил к своим обязанностям, горя желанием освободить Мать Россию от красной нечисти.

Генерал Деникин в своих очерках «Русская смута» сознается, что многие генералы, офицеры и общественные деятели были не согласны с его политикой. Такого же мнения был и генерал Лукомский. В письме Деникину он говорит: «Я глубоко убежден, что политика и взятый курс Ваш вызовет в самой армии смущение и раскол, в стране же многих отшатнет от желания идти в армию или работать с ней рука-об-руку».

Ген. Алексеев своим письмом от 26-го Июня 1918 г. на имя Деникина также предупреждал, что отношения между Донским атаманом и командованием Добровольческой армии нехороши и сильно вредят нам в общей борьбе с большевиками. Полагаю, что нужно изменить тон наших отношений, так как в создавшейся атмосфере взаимного раздражения, работать трудно». (Генерал Алексеев жил тогда в г. Новочеркасске).

А вот и еще характерное для генерала Деникина признание («Русская смута»). «Нужно сознаться, говорит он, что ген. Алексеев умел лавировать, стараясь сглаживать все недоразумения с Донским правительством и, вообще, я же не постиг этого искусства, а с Донским атаманом Красновым с июня месяца 1918 г. прекратил всякую переписку, чтобы не терять душевного равновесия». Это относится ко времени, когда ген. Краснов на совещании 15 Июня 1918 г. предложил объединить командование Донской и Добровольческой армий по его*) плану борьбы с большевиками. В то же время, когда Деникину нужна была материальная или другая помощь, он переписывался с генералом Богаевским или с ген. Эльснером, игнорируя главу Дона, всеми уважаемого атамана Краснова.

Агентура генерала Деникина также была не на высоте своего положения, вела гнусную и беспринципную работу, засыпая Деникина и Алексева всякими доносами и сплетнями.

Генералу Краснову об этом было известно и однажды, суммируя всю ложь, он писал генералу Алексеву: «Я удивляюсь, что, Ваше Высоко-Превосходительство, допускаете думать, что мое правительство и я лично желали плохого нашей дружеской Добровольческой армии. Я уверен, что все распро-

*) Взятия Царицына и соединения с Восточными группами.

страняемые провокационные слухи исходят от общих с Вами наших врагов, ибо враги наши ни перед чем не останавливаются, чтобы вызвать вражду и неудовольствие в наших армиях. Цель их известна — чтобы погубить наше дело, борьбу с большевиками».

Осенью 1918 г., когда Верховный Круг переизбрал ген. Краснова в атаманы, выразив вторично ему доверие, он в своем ответном приветствии сказал: «С чувством глубокой радости мы выслушали братский привет представителя Добровольческой армии и пожелания успеха в нашей работе. Слухи, доносившиеся к нам, даже в самые отдаленные хуторские углы о нарушениях сердечных отношений с Вами, (Добровольческой армией) тревогой и скорбью отзывались в наших сердцах. Но теперь тревога как бы рассеялась... У тихого Дона нет достаточно сильных слов для выражения своих чувств преклонения перед Вашими подвигами, но есть горячая любовь и искреннее желание не словами, а делом служить Вам в Вашей тяжелой святой работе». (Телегр. №10 от 18 Авг. 1918 г.)

К сожалению, со стороны генерала Деникина и его ближайшего окружения не последовало исполнения того, что выразил представитель Добровольческой армии на Круге. Интриги, сплетни и недоразумения не прекращались. Все это крайне вредно отражалось на ответственной, сложной работе генерала Краснова.

Главным поводом для обвинения генерала Краснова ген. Деникин выдвигал связь его с немцами, не понимая, что этот контакт был вынужденным для получения всего необходимого для армии от немцев.

Ген. Деникин был недалек от истины и самолюбив. Когда собрался Войсковой Круг 15 Авг. 1918 г., который прежде всего вспомнил родных защитников, своих отцов, братьев и детей и выразил надежду на близость того дня, когда сердца всех Детей Дона вознесутся в горячей, благодарственной молитве за полное избавление его земли от поработителей, ген. Деникин был очень обижен и в печати взывал: «а — Россия???»», не уясняя себе, что Войсковой Круг Дона этим лишь благодарил сынов Дона, освободивших своей кровью родные курени, изгнав поработителей из своей Области.

Позднее Деникин и сам в своих очерках как бы сознавал, что Донская армия была создана величайшим напряжением

Дона под водительством атамана Краснова, что генералы: Краснов, Денисов и др. начальники проявили чрезвычайные усилия и умение для создания армии, которая быстро росла и дала должный отпор большевикам, что Краснову и его правительству нужно было употребить колоссальное напряжение, чтобы вовлечь казачество в борьбу с большевиками и он — Краснов сумел это сделать... Невольно возникает вопрос: за что же он, — Деникин, питал такую неприязнь к нашему славному, любимому и всеми уважаемому атаману?

— О —

Несколько слов о ближайшем сотруднике ген. Деникина, ген. Романовском. Романовский был начальником штаба армии. Иногда его называли прямо в глаза «злым гением» и виновником всех неполадок. Он, по стопам ген. Деникина, также был против всяких противобольшевистских формирований, если они не находились в их подчинении.

К величайшему сожалению, этим двум генералам не мог противодействовать и ген. Алексеев, отчасти находившийся под их влиянием, к тому же он часто болел.

Многие общественные деятели, близко стоявшие к ген. Деникину, убеждали его изменить свою политику, особенно ген. Романовского, считая его главным виновником неудач и неполадок в армии. В числе таких общественных деятелей был, например, Кривошеин — талантливый и глубокого penetrantного ума человек и искренний большой патриот.

По характеру своему ген. Романовский был груб, дерзок и вел себя вызывающе. В обращении с посетителями он был бесцеремонен и часто отталкивал достойных и полезных для дела людей; не выслушав до конца посетителя, он сухо, с обидной мотивировкой обрывал разговор.

Из массы случаев привожу, как пример, следующий: после обсуждения вопроса о присоединении к Добровольческой армии одного отряда на полуавтономных началах, Романовский, в большом обществе, сидя за столом, обращаясь к командиру этого отряда, грубо заметил: «к сожалению, к нам приходят люди с таким провинциальным самолюбием и претензиями...» Начальник этого отряда, достойный человек, разумеется, был оскорблен заявлением Романовского. Характеру Романовского импонировала и его внешность — привычка избегать взгляда собеседника. Друзья Романовского откровенно говорили ему,

что своим грубым отношением он отталкивает от себя честных, полезных людей: «Тебя не любят в армии, да и, вообще, тебя действительно поделом называют злым гением армии...»

Генералу Деникину неоднократно советовали для общей пользы удалить его, как не соответствующего занимаемой должности, но Деникин все эти обращения неизменно игнорировал.

Оба эти генерала крайне отрицательно относились к стремлению казачества к самостоятельности и соблюдению древних обычаев, признанных царями и императорами Руси. Сам Деникин в своих очерках откровенно говорит, что казачество стремилось к самоуправлению, но на Кубани он этого не допускал под предлогом, что атаман Филимонов был не способен сделать то, что сделал на Дону атаман Краснов, который получил власть от народа и с достоинством держал ее в своих крепких руках, атаману же Филимонову это было не под силу. (Очерки «Русская смута»).

Итак, признавая силу и достоинства атамана Краснова, Деникин в то же время кровно ненавидел его и старался поколебать его престиж; он, как бы боялся Краснова, считая его своим конкурентом-соперником, страдая, как я уже сказал, манией величия и завистью.

Отрицательное отношение Деникина к казачеству — основной противобольшевистской силе, а также ко всем группам, которые возникали самостоятельно, было, без сомнения, грубейшей ошибкой. Враждебно Деникин и его окружение относились и к формированию Астраханской и Южной народной армии, всячески препятствуя развитию таковых только потому, что эти армии были самостоятельными и возникли при содействии генерала Краснова.

Князь Тундутов, который стоял во главе Астраханской армии, будучи осведомлен о таком отношении Деникина, 4-го Августа 1918 г. телеграфировал Деникину, что Астраханская армия душой и телом — едина с Добровольческой армией, исторический путь их является единственным для преданных сынов Единой Великой России. Этой телеграммой князь подтверждал стремление Астраханцев к единению и совместной борьбе с общим врагом-большевизмом, но и здесь Деникин не мог или не хотел понять этого.

Чем же объяснить, что Деникин протестовал против ра-

зумных мероприятий и разрушал зарождающиеся противобольшевистские очаги? Да только тем, что не отдавал себе отчета в своих действиях, страдая манией величия. Главным стимулом его деятельности было личное «Я», а всякую антибольшевистскую силу, которая накоплялась и ширилась не под его командованием, он грубо не признавал, не считаясь с тем, что это было лишь на руку большевикам.

Кубанское правительство и Рада все время настаивали на выделении Кубанцев в отдельную Кубанскую армию, с тем однако, чтобы оперативное подчинение оставалось под верховным командованием Добровольческой армии, доказывая целесообразность этого выделения хотя бы тем, что казаки искони, всегда служили в своих казачьих частях и все эти части комплектовались исключительно из казачьих офицеров и рядовых казаков по имени Области. Они свыклись с таким положением и теперь стремились к этому единству; они будут охотнее идти в свою армию, где казаки будут их станичники и командный состав будет состоять из Кубанских офицеров и генералов, понимающих друг друга. Кроме того и население Кубани будет охотнее пополнять и снабжать такую армию, состоящую из ее сынов. Генерал Деникин с этим не соглашался только потому, что наименование такой армии «Кубанской», как будто бы подрывало значение и первенство армии Добровольческой.

Занимая Кубань своей армией, которая была на 80% из казаков Кубанцев, Деникин шел не как освободитель, а как завоеватель, не считаясь с Кубанским правительством и Радой, больше того, вступая на Кубань, он предупредил своим приказом, что в дальнейшем со стороны освобожденного казачества не должно быть проявлено никакой самостоятельности, все должно быть сосредоточено в руках командования Добровольческой армии, подрывая этим авторитет Кубанского правительства и издревле существовавшие в казачестве обычаи и права.

Игнорирование Кубанского правительства и Рады определенно вносило в ряды армии недоумение, подозрительность и даже вражду, ибо казачество прекрасно понимало, что это нездоровое явление, но Деникин со своим окружением не считался с этим, не учитывая стремления казачества к народоправству, соблюдению обычаев отцов и дедов.

Добровольческая армия 3-го Августа 1918 г. заняла Ека-

теринодар. После генерал Деникин неоднократно высказывал сожаление, что не покончил с Кубанским правительством, как он хотел это сделать раньше, не разогнал Раду и не посадил там, в Екатеринодаре, наказного атамана, не выборного, а им назначенного и ему во всем послушного (его очерки «Русская смута»), тогда как Кубань отдавала своих сынов на пополнение армии и напрягала все свои силы и старалась дать все, что могла.

Бесперывные бои уносили огромное количество людей: за один Сентябрь месяц 1918 г. одна дивизия потеряла 260 офицеров и 2640 казаков, почти 100% своей численности. Таких прискорбных случаев было очень много, и пополнение Добровольческих частей казаками шло именно из Кубанских станиц.

Старые, обожженные, обрубленные, но не поваленные стволы казачества обрастали новыми ветвями, покрывались молодой листвой и снова стояли крепко в грозу и бурю, ибо у этих преданных бойцов была одна цель — уничтожение безбожного большевизма, и они умирали безропотно, не думая о чинах, орденах и притязаниях на власть.

Вот еще факт непозволительного отношения со стороны генерала Деникина к генералу Букрееву, занимавшему ответственный пост: на второй день после занятия Екатеринодара, т. е. 4-го Августа 1918 г. Деникин остановился со своим штабом на Екатеринодарском вокзале. К нему явился генерал Букреев, председатель тайной военной организации, который секретно оставался там все время занятия Кубани большевиками. Букреев не был принят Деникиным, который был недоволен Букреевым за то, что последний, до прихода штаба Деникина, выпустил воззвание следующего содержания: «Долгожданые хозяева Кубани — казаки и с ними славные части — иногородцы, неся с собою справедливость и свободу, прибыли в столицу Кубани...» Оказывается — слово «иногородцы» и возмутило Деникина. Генерал Букреев подошел к нему представиться, но генерал Деникин, не останавливаясь и не принимая приветствия, возмущенно-грубо сказал: «Вы в своем возвании отнеслись с неуважением к Добровольческой армии и говорить мне с Вами не пристало».

Этот, как будто, ничтожный по существу случай имел весьма неприятные последствия (Очерки «Русская смута»).

Итак, командование Добровольческой армии во всем унижало, игнорировало Кубанское правительство, Раду и др. представителей казачества, которые защищали свои права, во главу угла ставили свою суверенность, основываясь на своих выборных началах и обычаях.

До Сентября месяца 1918 г. для пополнения Добровольческой армии на Кубани было призвано по мобилизации 8 возрастов. Эта мобилизация проходила по определенному плану через Кубанское правительство и его местные органы военного управления, командование же Добровольческой армии нередко мобилизовало казаков само, без согласования с Кубанским правительством, бессистемно, чем запутывало мобилизационные планы правительства.

Кубанское правительство часто напоминало о том, что представители Добровольческой армии в своих распоряжениях, касающихся многих важных сторон местной и краевой жизни, не считаются с ним и выходило почти так, что Добровольческая армия как бы оккупировала Кубанскую Область своими же сынами... По распоряжению генерала Деникина, многие неугодные ему представители Рады и правительства и др. лица удалялись силой, население было терроризировано и большевики, пользуясь этим, вели весьма успешно свою агитацию как среди населения, так равно и в армии.

Не мало содействия в разрушительной работе Белых армий оказывали и многие из Российской интеллигенции (дельцы), которые успели развалить монархический строй и, оскандалившись с Февральской революцией, бежали на Дон, Кубань, помогая творить каиново дело, вмешивались в работу Кубанского и Донского правительств, давая свои ненужные рецепты.

В одном из приказов Кубанского ведомства внутренних дел (от 24 Октября 1918 г.) констатировался наплыв в Екатеринодар множества чинов различных партий и организаций, которые выносили бесконечные резолюции, протесты и выявляли открытое противодействие местной правительственной власти и, на основании объявленного в крае военного положения, военное ведомство вполне разумно сочло необходимым запретить такого рода митинги, собрания и запретить печатание статей, вызывающих недоверие к краевой власти и представителям соседних новообразований (Дон и др.), но генералу Деникину эти безответственные выступления и отзывы прави-

лись, и он иногда выступал даже в их защиту.

— О —

Когда Добровольческая армия утвердилась на берегах Азовского моря, она соприкоснулась с германскими войсками и флотом.

Ген. Деникин отдал распоряжение избегать всяких встреч и разговоров с немцами и при всех вопросах ссылаться на неимение от него инструкций.

В Ейском районе 1-го Августа появилась немецкая флотилия под начальством капитана 2-го ранга, командующего германскими морскими силами в Азовском море. В беседе с начальником гарнизона Добровольческой армии, он объяснил причину появления немецких судов следующим: при последнем походе большевиков на Таганрог немцами был пойман и приведен в Ейск пароход, на котором некоторое время находились австрийские офицеры, последние были бесчеловечно убиты большевиками и выброшены в море. Кроме того, в последнее время замечено много судов, пристающих в разных пунктах Крымского и Азовского побережья и высаживающихся там большевиков, спасающихся от Добровольческой армии. Задача немецкой флотилии — прекратить зверства большевиков на море, не допускать высаживающихся негодяев, так как никакому государству не желательно иметь их в своей среде. Этот же офицер заявил, что хотя Германия и заключила договор с советской Россией, но лично он выражает пожелание в скорейшей и окончательной победе над большевиками, в целях умиротворения края и введения в нем законного порядка, твердой, справедливой власти. Генерал Деникин в то время не сомневался, что немецкий офицер говорил искренне и таких заявлений было не мало, но все-таки ген. Деникин отметал эту благую помощь из-за своего, ничем непреодолимого самолюбия.

Другой случай: когда был занят Добровольческой армией Новороссийск, с стоявшего на рейде миноносца явился к военному губернатору, полковнику Кутепову, немецкий офицер, поздравил его с занятием Новороссийска и спросил, не могут ли быть полезны германские суда. Кутепов отклонил эти предложения немецкого офицера, так как «не имел распоряжений и инструкций от командующего Добровольческой армии». И после этого, неоднократно представители Германского и Австрийского штабов (из Одессы) предлагали свое содействие и

возможную помощь полковнику Кутепову, но по инструкции генерала Деникина таковая отклонялась. Видя такое отрицательное отношение со стороны главного командования Добровольческой армии и нежелание работать вместе против большевиков, немцы изменили свое дружелюбное отношение к Добровольческой армии и начали рыть окопы фронтом на север против Добровольческой армии (рапорт начальника Ейского района от 2-го Авг. 1918 г. за №4).

Ясно, что неразумная кичливость генерала Деникина, нежелание использовать полезные предложения немцев, были лишь во вред Добровольческой армии.

Весной того же года, восставшая против большевиков Таманская станица, с помощью немцев из Крыма освободила свою станицу, вытеснив большевиков до Темрюка и, по просьбе казаков этой станицы, там был оставлен немцами для обеспечения Керченского пролива один полк. Просьба Таманцев была удовлетворена немцами и с тех пор Тамань жила спокойно, таманцы станицы быстро сформировали свои довольно большие отряды, которые были так нужны в борьбе с большевиками.

В одно время командование Добровольческой армии и Кубанское правительство командировали на Тамань кружным путем, через Ростов, своих представителей во главе с генералом Борисевичем с целью воссоединить Тамань с Кубанским краем, но эти представители были арестованы немцами и высланы обратно в результате проявленного недружелюбного отношения, немудрой и недальновидной политики командования Добровольческой армии.

Когда войска генерала Покровского, преследуя большевиков, заняли Тамань на левом берегу Кубани и у моста столкнулись с немецкими войсками, река стала демаркационной линией между войсками: немцы с одной стороны, Добровольческая армия и Кубанское правительство с другой стороны. Однако, отношения немцев к командованию этих армий были не одинаковы: в то время как приказы Добровольческой армии для казачьих войск Таманского полуострова были недействительны, приказы же Кубанского правительства действовали в силу лишь соглашения с германским командованием, так как Таманский полуостров находился в это время полностью под германской защитой (рапорт ген. Покровского от 10 Сентября 1918 г. за №39).

В половине Сентября представители Добровольческого командования, с участием Таманской депутации, обратились к германскому командованию с просьбой — разрешить ввести в Тамани краевую администрацию, свою полицию и оставить Таманский полуостров, а вместе с этим благодарили германское командование за оказанную помощь — изгнание большевиков с Тамани, но германское командование ответило, что на введение в пределы Тамани Кубанской краевой администрации и полиции оно согласно, что же касается оставления Тамани, то этот вопрос будет осуществлен только тогда, когда краевая Рада и правительство дадут им нужные гарантии. Можно положительно утверждать, что немцы были до конца уступчивы, лояльны к Кубанскому населению и Добровольческой армии и готовы были оказывать помощь в борьбе с большевиками, но командование Добровольческой армии не умело, вернее сказать, не желало использовать это положение.

Закавказские области, как то: Грузия, Армения, Азербейджан — стремились к совместной борьбе с большевиками, ибо большинство населения этих областей мечтало о самостоятельности, чтобы устранились временно от анархии. У этих народов проскальзывала жалость к России и русским. У этих безусловно, сохранились хорошие отношения и тяготение к Русскому народу и стране и они не собирались совсем и навсегда отрываться от России. Надо думать, что боялись они и турецкого нашествия и большевистского захвата, почему и шли на создание Доно-Кавказского Союза, но генерал Деникин не понимал этого и своим поведением оттолкнул Грузинское правительство от совместной борьбы с большевиками; тогда как Грузия проявила не на словах, а на деле свою помощь Кубани, так например: до занятия Добровольцами Новороссийска было известно, что в районе Туапсе находился грузинский отряд, начальником которого был генерал Мазнаев. К нему примкнуло несколько сот Кубанских казаков Майкопского отдела; отряд этот был довольно крупный и хорошо вооруженный. В начале Сентября этот отряд оперировал вдоль Армавири-Туапсинской ж. д., между Туапсе и Белореченской, ведя борьбу с большевиками и помогая оружием и боевыми припасами восставшим Кубанским станицам. Позже, когда был занят Добровольческой армией Новороссийск, была установлена связь с ген. Мазнаевым и вскоре с ним состоялось совещание. На этом совещании

грузинским представителям командование Добровольческой армии неуместно и несвоевременно предложило отказаться от идеи самостоятельности и вести борьбу с большевиками под лозунгом: «Единая, Неделимая Россия», но представители грузин не согласились на это требование, совещание было прервано и по распоряжению ген. Деникина граница с Грузией была закрыта.

После этого ссора с Грузией приняла очень резкий характер, грузины стали чуть ли не врагами и бывали стычки Добровольцев с ними у Адлера и в других местах. В горах, к Северу от Сочи, сосредоточивались грузинские отряды, которые называли себя «зелеными», в свою очередь, нежелавшие признавать Добровольческую армию.

Регулярные грузинские части как бы соблюдали видимый нейтралитет, но ими же руководимые и снабжаемые «зеленые» действовали смело и агрессивно, уничтожая мелкие Добровольческие отряды. Начальник Сочинского гарнизона не мог справиться с этой партизанщиной, при малочисленности своего гарнизона.

Для борьбы с «зелеными» (грузинами) был даже сформирован особый отряд под начальством штаб-ротмистра Чайковского, но этот отряд скоро был почти полностью уничтожен и начальник отряда Чайковский убит.

Положение этого района стало угрожающим. Начальник Сочинского гарнизона просил подкреплений. Ставка обещала выслать подкрепление, но медлила и скоро линия железной дороги Туапсе-Сочи была захвачена «зелеными».

К этому времени пал Крым. Отношения с Грузией были ненормальными. Тяжелое положение и малоуспешные бои в Донбасе и др. местах явно свидетельствовали о неуспехе, но ставка Добровольческой армии, как будто этим вопросом не интересовалась. Чины ставки праздновали победу над генералом Красновым . . . , передавшим атаманскую булаву генералу Богаевскому, человеку мягкому, и по их мнению обещавшему быть послушным командованию Добровольческой армии.

День, 26-го Декабря 1918 г., является поворотом в Белом Движении, хотя Белые армии и имели еще призрачный успех благодаря нечеловеческим, героическим усилиям.

Указанного числа состоялось свидание главнокомандующего Добровольческой армии генерала Деникина и Донского

атамана генерала П. Н. Краснова. Во время этого свидания в Торговой на Дону, Деникин добился титула «главнокомандующего вооруженными силами на Юге России» и, таким образом, Донская армия вошла в его подчинение. Краснов уступил, но он знал, что с этого дня наступает начало конца его славных дел. Созданная им с таким трудом Донская армия будет разрушена новым вождем. Любимый атаман Войска Донского, под давлением интриг и сплетен, ушел, покинув свою колыбель Тихий Дон и своих родных, дорогих ему казаков.

Как изгнанник, Краснов первое время жил в маленькой даче под Батумом. Близким ему людям он писал: «Прибыл на зеленый мыс и поселился изгнанником без денег, без будущего, в суровом одиночестве, без врачей, без медикаментов. Жена ухаживала за мной, а я за ней и около нас не было никого. Синее небо, синее море, да мощный разгул тропической растительности... Было тяжело без средств. Пробовал работать физически, рубил дрова — сердце не выдержало. Мои настойчивые просьбы о даровании мне великого счастья — бороться за Родину с оружием в руках были услышаны. Я отправился на Северо-Западный фронт, в армию ген. Юденича. Там меня ожидали новые разочарования... В Марте 1920 г., когда был ликвидирован фронт Северо-Западной армии, я прибыл в Германию как эмигрант».

После вынужденного ухода Донского атамана, генерала Петра Николаевича Краснова, ген. Деникин провел смену командного состава и административных начальников в Области. Назначения были не по способностям, а по усмотрению и прихоти Деникина или его ставленников.

Помутился Тихий Дон... и в первую очередь его армия. Каждый отряд, дивизия или полк стали действовать самостоятельно, не считаясь с краевой властью; вербовщики военных групп производили сами мобилизации. Наступил период безвластия и беззакония: на улицах хватали прохожих, врывались по ночам в дома, забирали людей и направляли их для пополнения частей. Мобилизация транспорта, реквизиция фуража и проч. производились без всякой системы, произвольно и помимо местной власти. Такие явления стали обычными и на Дону и на Кубани.

Кроме скрытого и справедливого возмущения населения и полной дискредитации власти, эти самочинные мероприятия,

конечно, не могли дать ничего хорошего.

Представители власти, как краевые, так равно и местные, обращались в ставку, доказывая необходимость прекращения беспорядочных действий со стороны представителей армии. Они доказывали, что подобные явления вносят в жизнь обывателя хаос, недоверие к местным властям и к армии, но самое главное, эти безобразные действия дают богатую почву большевикам для пропаганды, но добиться ничего они не могли. Штаб ставки Деникина выказал полную несостоятельность решить эту сложную и неотложную задачу. Она могла быть под силу только волевому и талантливому администратору, как генерал Краснов, а не Деникину.

Генерал Деникин одержал победу над генералом Красновым и добился власти командующего Юга России, будучи доволен тем, что «прибрал к рукам» непокорных атаманов, но эта победа лишь удовлетворила его большое самолюбие. Он оказался неспособным создать стройный аппарат управления и наладить снабжение армии всем необходимым.

Казачество не верило ген. Деникину уже потому, что к казачеству, на которое он должен был опереться в борьбе с большевиками, он со своим ближайшим окружением относился недружелюбно, как сказано уже об этом выше, не берег его и попирали его исконные права, называя всех казаков «самостийниками». Он не знал казачества и не хотел знать его чужий и, удалив своего «соперника», достойнейшего вождя, генерала Краснова, потерял основную противобольшевистскую силу, которая слепо, без колебаний и с полной верой в правое дело, шла за своим избранником.

С уходом атамана Краснова образцово настроенная им система управления рухнула.

Генерал Краснов на совещании в станице Манычевской еще 15-го Мая 1918 г. настаивал на необходимости в то время взять Царицына и обосновывал в своем плане эту возможность, но ген. Деникин не согласился тогда с планом атамана Краснова и только больше чем через год Царицын был взят по плану Деникина, когда время было уже упущено, ибо за продолжительное хозяйничанье красных, огромная часть антибольшевистски настроенного населения, как в городах так и окрестностях, была ими уничтожена. Большевики учитывали, что с падением главной их базы — Царицына, в то время, ког-

да на этом настаивал генерал Краснов, они не могли бы воспрепятствовать соединению Белых армий Юга и Востока и также знали, что население Саратовской, Астраханской и др. районов, прилегающих к этому фронту, было настроено не в их пользу и охотно присоединялось бы к частям Белой армии; поэтому то большевики и приняли все меры, чтобы не допустить тогда падения Царицына, а если бы это случилось, то они были бы готовы дать отпор, надеясь на истощение наших частей в борьбе на подступах к городу и, увы! к нашей печали, в этом они не ошиблись.

В городе Царицыне, и далеко в его окрестностях, за этот год они учинили жестокую, кровавую расправу. Подавляющая часть местной интеллигенции и мало-мальски зажиточное население, по их взгляду реакционное, было уничтожено, гноилось в тюрьмах или на принудительных работах.

При подступах к Царицыну наши части значительно пострадали, потери были огромные.

Добровольческой армией на подступах к Царицыну, было взято в плен число, превышающее больше чем в пять раз своего состава, но эти пленные не были умело использованы для редущих рядов Белых, они отпускались на свободу, часть их возвращалась к красным и красное командование широко использовало их снова для пополнения своих частей.

Верховная ставка Добровольческой армии требовала наступления, а об оснащении и пополнении своей армии, сражающейся с красной армией, вооруженной до зубов, не заботилась и не искала средств и возможности к этому. 19-го Июня 1919 г. Царицын был взят нашими доблестными войсками.

Генерал Деникин не учел всего этого и, окрыленный призрачными успехами, на второй день после взятия Царицына, т. е. 20-го Июня отдал директиву армии идти «на Москву».

Директива эта, получившая впоследствии название «Московской», являлась одновременно и смертным приговором армии Юга России. Все принципы стратегии предавались забвению. Выбор одного общего операционного направления отсутствовал и каждому корпусу просто указывался маршрут — на Москву.

На совещании некоторые из высоких генералов были удивлены и не понимали, как мог этот документ выйти из-под пера генерала Деникина..., но Деникин этой своей, погу-

бившей Белое Движение, директивой «на Москву», был доволен. Закончив чтение ее, он весело добавил: «Да, вот как мы стали шагать»...

На этом же совещании было доложено верховному правителю о том, что части Кавказской армии, после тяжелого трехсотверстного похода по пустыням и сорокадневных напряженных боев, сильно истомлены и нуждаются в отдыхе и пополнении. Деникин ответил, что он согласен предоставить этот отдых, а пока Донцы будут выполнять его директиву и продвигаться до Камышина. Это займет около двух недель, Кавказская армия за это время отдохнет и приведет себя в порядок. Но и здесь он не учитывал, что Донская армия при взятии Царицына была также утомлена, нуждалась в отдыхе и пополнении, что большевики, потерпев поражение у Царицына, лихорадочно сосредоточивали свои главные силы к Камышину. На этот главный участок они срочно бросили несколько дивизий, заранее сняв их для этой цели даже с Сибирского фронта, где за последнее время красные имели некоторые успехи над армией адмирала Колчака.

Эти, брошенные большевиками на фронт части, приняв на себя отступающие части разгромленной их армии под Царицыном, вскоре же настолько были усилены и окрепли, что уже 24-го Июня 1919 г. стали на пути наступления Донской армии к гор. Камышину. Они заняли сильную позицию, заранее подготовленную, сосредоточив массу артиллерии и опираясь кроме того на могучую огневую поддержку Волжской флотилии.

Донская армия, несмотря на огромный урон в живой силе и усталость, все же продолжала выполнять Деникинскую директиву, ежедневно атакуя яростно сопротивлявшихся красных.

Вследствие сложившихся обстоятельств, по указанным выше причинам, Кавказская армия, также не имевшая возможности воспользоваться необходимым отдыхом и пополнением, 27-го Июня 1919 г. возобновила свою активность для того, чтобы облегчить положение Донской армии, преследуя противника, отходящего по Саратовскому тракту вдоль Волги, наиболее свежим Кубанским корпусом, но этот корпус встретил упорное сопротивление.

Донская армия все это время вела упорные бои, стремясь овладеть подступами к Камышину, несмотря на то, что к противнику продолжали подходить свежие части и он оказывал

отчаянное сопротивление.

15-го Июля 1919 г. гор. Камышин был взят Донцами.

В середине Июля 1919 г. в районе Эльтонских озер, части генерала Мамонтова вошли в связь с Уральцами. Разъезд Уральских казаков, пересекший на пространстве более ста верст голую степь, соединился с частями генерала Мамонтова. Уральцы рассказали, что они много месяцев ведут тяжелую борьбу, находясь в критическом положении, без боевых припасов, без всякого снабжения, они просят о помощи.

Донцы были рады, что встретили своих братьев-Уральцев. Они стремились соединиться с их армией и оказать всемерную, взаимную помощь, но, к сожалению, скоро были получены печальные сведения о тяжелых неудачах на фронте Колчака, были разбиты Оренбуржцы, и Уральцы поспешно отходили на Восток.

Теперь было совершенно ясно, насколько был прав ген. Краснов, предлагавший год тому назад идти на Царицын, а затем на Восток для соединения с Белыми армиями, но генерал Деникин этого не осознал, вследствие чего соединение Белых армий Юга и Востока осуществлено не было.

Стало вполне очевидно, что ошибочная стратегия и несуразная политика генерала Деникина сводят на нет все военные успехи и неисчислимые жертвы Белых воинов. Да иначе и быть не могло. Атаман Краснов предвидел, что во-первых, отдельными разрозненными группами невозможно бороться с единым фронтом красных и во-вторых, он стремился к созданию Доно-Кавказского Союза, стараясь всеми силами оказывать помощь и всемерное содействие всем противобольшевистским группам. Кроме того, атаман Краснов не хотел спешить двигаться на Москву, тогда как Деникин настаивал на этом, чтобы первым въехать туда «на белом коне». Атаман Краснов настаивал сначала укрепиться Доно-Кавказским Союзом, войти в связь с Уралом и Оренбургом, с адмиралом Колчаком и тогда уже, общим фронтом, наступать на Москву. Он все предвидел и доказывал, что только при таких условиях можно рассчитывать на победу над большевиками.

— 0 —

Под давлением ген. Деникина атаман Краснов ушел, но идея его о создании Доно-Кавказского Союза в казачестве не угасла. Кубанская Рада взяла на себя инициативу и 5-го Мая 1919 г. в

Екатеринодаре должна была собратся общая конференция представителей от: Дона, Кубани, Терека, Дагестана, Крыма, Грузии, горцев Сев. Кавказа и Азербейджана. Но и на этот раз, благодаря ген. Деникину, эта идея не была осуществлена, как в этом признался ген. Деникин, находясь в эмиграции. В своих «очерках» он сожалеет, что тогда эта конференция не состоялась. (Т. 4 стр. 55).

В дальнейшем, Донской Войсковой Круг и Кубанская Рада стали упорно настаивать на необходимости создания в кратчайший срок «Юго-Восточного» Союза, и 13-го Июня 1919 г. в гор. Ростове собралась конференция Юго-Востока, но при первом же заседании, ночью, был убит член этой конференции Н. С. Рябовол, председатель Кубанской краевой Рады.

Из опасения, чтобы в Ростове не произошла подобная расправа и с другими представителями конференции, съезд был перенесен в город Екатеринодар, имея главную цель войти в договоренность с генералом Деникиным о создании обще-государственной власти на всем Юге, но ген. Деникин и его ближайшее окружение никакой федерации создавать не хотели и произвели разгром таковой. Это послужило сполном для казаков. Несколько кубанских полков снялись с фронта «Война кончилась, — говорили кубанцы, — какой смысл стоять на фронте, проливать кровь, а в нашем крае вожди Добровольческой армии громят Раду и убивают наших представителей» . . .

5-го Января 1920 г. в гор. Екатеринодаре срочно собрался Верховный Круг Дона, Кубани и Терека, объявивший себя Верховной Властью, а для более успешной борьбы с большевиками, постановил создать «Объединенный Казачий Союз».

Опять начались переговоры с Деникиным, разногласия, а в это время фронт неудержимо катился на Юг, наступила катастрофа, развал Белого Движения . . .

И только тогда, под влиянием этих событий и явного крушения всех надежд на успешную борьбу с большевиками, генерал Деникин стал уступчив. В результате, всего за несколько недель до полного краха, а именно: 22-го Января 1920 г. произошло соглашение Деникина с Верховным Кругом о создании Южно-Русского правительства. Но оно было уже запоздалым . . .

— 0 —

Добровольческая армия, которой командовал генерал Май-Маевский и которая действовала в направлении — Курск, Орел и прочих районов этого направления, была предоставлена «самоснабжению», ибо ставка Верховного командования этим сложным и ответственным делом заниматься не захотела.

После этого, командующий армией ген. Май-Маевский в свою очередь предоставил своим частям самоснабжение. Это самоснабжение воспринималось и другими армиями, вследствие отсутствия руководства со стороны Верховной ставки. Последовавшая дезорганизация и хаос в снабжении особенно чувствовались в армии ген. Май-Маевского, который, сложив с себя все заботы о довольствии войск, предоставил им довольствоваться исключительно местными средствами и обращать в свою пользу захватываемую военную добычу.

Война превратилась в средство наживы, а довольствие местными средствами в грабеж и спекуляцию.

Каждая часть спешила захватить побольше. Бралось все, а что не могло быть использовано на месте, отправлялось в тыл для товаро-обмена и обращения в денежные знаки. Подвижные запасы войск достигали невероятных размеров; некоторые части имели сотни вагонов для своих полковых запасов; огромное число чинов обслуживало тылы. Масса офицеров находилась в длительных командировках по реализации «военной добычи», для товарообмена и т. п. Армия развращалась, обращалась в торгашей и спекулянтов.

В руках всех тех, кто так или иначе соприкасался с делом «самоснабжения», а с этим делом соприкасались все, до младшего офицера и взводного раздатчика включительно, оказались бешенные деньги, следствием чего явились разврат, игра в карты, пьянство и проч.

Тыл был загроможден ненужными для армии вещами, железная дорога забита множеством вагонов с «трофеями» и продвижение нужного для военных целей снабжения, вооружения и проч. ни к фронту, ни от фронта для оборудования и оснащения новой оборонительной линии укреплений, представлялось невозможным. Наступил крах, развал фронта, восстания в тылу.

Дезорганизованный тыл армии генерала Май-Маевского беспорядочно отступал. Контакт с другими армиями был окончательно нарушен. Вследствие этого и другие армии — Донская

и Кавказская, должны были отходить, как бы выравнивая фронт.

Многочисленные полки красных, окрыленные успехами, неудержимо атаковывали изнуренные и морально подавленные наши славные части. Эти части редели, но на ходу перегруппировывались, сводились дивизии в полки и опять сражались. Особенно храбро сражались Донцы, им не хотелось впускать разрозненных большевиков на свою родную землю. Но верховный штаб Деникина дрогнул, растерялся, отошел от руководства.

20-го Декабря 1919 г. в Ростове собрались на совещание командующие армиями и др. высокие военачальники для обсуждения вопроса: как исправить положение фронта?

На совещание прибыли генералы: Врангель — командующий Кавказской армией, Сидорин — командующий Донской армией, Кельчевский, Шатилов и др. Перед совещанием ген. Сидорин заявил, что со стороны ставки руководство отсутствует, и предложил вопрос об удалении Деникина и Романовского, как губящих дело освобождения Родины, ибо если мы этого не сделаем теперь, то мы будем соучастниками в разгроме и поражении Белого Движения и виновны перед Богом и народом в стольких напрасных жертвах. Генерал Врангель это требование не поддержал. Он заявил: «Для меня и всех Вас очевидно, что генерал Деникин не способен остановить развал и не может справиться с наступившим положением, но все же я считаю, что насильственное устранение главы армии и его ближайших подчиненных в этот момент делать не следует. Свести положение мог бы только сам генерал Деникин, если бы он осознал, что справиться не может и добровольно бы передал власть другому. Но об этом нет речи». Генерал Сидорин пытался возразить, но в это время было доложено, что верховный главнокомандующий просит на заседание, он ждет.

Когда группа генералов вошла в зал, где должно было состояться совещание, там с генералом Деникиным были уже генералы: Романовский, Топорков, Стогов, Тихомиров и др. Еще не было открыто совещание, как вошел начальник английской миссии ген. Хольман, объявивший собравшимся, что им получена телеграмма от Великобританского правительства о готовности Великобритании оказать содействие по эвакуации и дать приют семьям военнослужащих, больным и раненым.

Это злое сообщение подтверждало крах Белого Движения и открывало путь виновникам к бегству.

После ухода ген. Хольмана, главнокомандующий генерал Деникин ознакомил представителей совещания с наступившим положением и принятыми им решениями.

Войска отводились на намеченную главнокомандующим позицию. Укрепленная позиция имеет «только психологическое значение и она на бумаге», как выразился Деникин. Далее он продолжал, что Добровольческая армия сводится в корпус. Общее командование войсками на Новочеркасском и Ростовском направлениях (позициях) вручалось генералу Сидорину. На генерала Врангеля возлагалась задача объявить — «сполох» на Кубни и Тереке и спешно формировать там казачью конницу. Тыловые учреждения были назначены к сокращению, переформированию и передаче корпусу Кутепова.

Тревога охватила города и станицы Дона и Кубани. Росло общее смятение и неудовольствие. Уже не стесняясь, громко обвиняли Деникина в неспособности быть вождем и о желании армии и народа смены его. Деникину это было известно.* Явления эти, как нельзя более, рисовали развал, проникший во все отрасли государственного аппарата.

Нередко вспоминали про генерала Краснова П. Н. даже и его враги, высказывая уверенность, что осуществляя его планы, можно было бы избежать катастрофы. В высших кругах возникал вопрос: где он? И готовы были бить ему челом, но, увы! ошибка была роковой и непоправимой, ибо были уже упущены все возможности. Продуманный в свое время до тонкостей план атамана Краснова был отвергнут его недругами.

Трагедия состояла еще и в том, что генерал Деникин не эвакуировал всю казачью армию, когда вся Черноморская эскадра стояла в Севастополе и Феодосии, готовя к эвакуации всех воинских частей и беженцев из Новороссийска и других мест. Конечно, вина была и на войсковых атаманах и на казачьем командовании; они не были едины и решительны, чтобы противодействовать диктаторским и неразумным мероприятиям генерала Деникина.

Так трагически закончилась жестокая и героическая борьба с большевиками, которая велась воинскими частями Донской и Добровольческой армий; в последней Кубанцы и Терцы составляли более 80% всего состава. Отсюда видно, что Белая борьба на Юге велась почти исключительно казаками, понесшими неисчислимы потери и в результате... все оказалось

бессцельным.

В своей книге «Белое дело» (стр. 51-52) генерал Врангель справедливо пишет: «Причины наших неудач чрезвычайно разнообразны. Резюмируя их, можно сказать, что стратегия была принесена в жертву политике, а политика никуда не годилась. Вместо того, чтобы объединить все силы, поставив себе целью борьбу с большевиками и проводить одну политику вне всяких партий, проводилась политика «добровольческая» (Деникинская), какая-то частная политика руководителей, которая видела, во всем том, что не носило на себе печать «добровольца», — врагов России. Дрались с большевиками, дрались и с Украинцами, и с Грузией, и с Азербейджаном и лишь немного не хватило, чтобы начать драться с казаками, которые составляли больше трех четвертей Белой армии и кровью своей на полях сражений доказали свою преданность Белому Движению».

В итоге, провозгласив «Единую, Великую и Неделимую Россию», пришли к тому, что разъединили все анти-большевистские силы и разделили всю Россию на целый ряд враждующих между собою образований.

Название «добровольческая» переносилось с Добровольческой армии и на политику ее руководителей. Оно перестало быть достоянием определенных воинских частей, оно стало нарицательным для всего возглавляемого генералом Деникиным движения. «Добровольческая политика», «добровольческая печать», «добровольческие власти» стали ходячими формулами. Славное в прошлом, связанное с первыми шагами героической борьбы генералов Алексева и Корнилова добровольчество, название столь дорогое для всех участников этой борьбы, потеряло со временем свое прежнее обаяние. Несостоятельная политика генерала Деникина и его ближайших помощников, недостойное поведение засоривших армию преступных элементов, пагубная борьба между главным добровольческим командованием и казачеством, все это уронило в глазах населения и самой армии звание «добровольца».

По мере развития борьбы, обе стороны прибегали к мобилизации и в ряды красных войск попадали также воины, которые сражались в наших рядах.

Присутствие их на той или иной стороне большею частью зависело от случайных географических причин и перемены фронта, потери территории или занятия таковой. Ген. Деникин

этого не учел. Его односторонняя, непримиримая политика преследования имела место в отношении не только инакомыслящих, но и всех тех, кто случайно оказался прикосновенным к любому делу, враждебному или просто недостаточно дружественному по отношению к добровольческой армии.

Преследованию подверглись не только те, кто так или иначе, вольно или невольно был прикосновен к большевикам, но и к Украине, к Грузинской республике, Астраханской и Южной Народной армии и даже к Дону — своей колыбели, из которой выросла Добровольческая армия.

Неумная и жестокая политика вызвала ответную реакцию, отталкивала тех, кто готов был стать его союзником и превращала искавших его дружбы во врагов. Он (Деникин) со своим окружением нес за собою не мир прощения, а жестокий карающий меч. Тысячи офицеров, желавших принять участие в борьбе с большевиками в Добровольческой армии, переходили в таковую, но они попадали под политическое подозрение и, томясь под следствием, разочаровывались.

Такое же отношение было и к гражданскому населению во вновь занимаемых областях. Под подозрение попадали и подвергались преследованию и те, вся вина которых состояла в том, что они под угрозой вынуждены были предоставить средства для подвоза провианта или другого груза красным войскам, или те, кто умирая с голоду, служил писцом в потребительской лавке или телеграфной конторе...

— 0 —

В очерках «Русская смута» Деникин пишет, что после окончания штабной академии, он был назначен отбывать цензоровое командование ротой в 183-м Пултусском полку. В своей роте он решил ввести — «сознательную» дисциплину. Негласно отменил дисциплинарные взыскания и вразумлял солдата: «следите друг за другом, останавливайте малодушных. Ведь вы же хорошие люди, докажите, что можно служить без палки».

Кончилось командование, рота училась плохо, лениво и дисциплина сильно пошатнулась.

«После моего ухода», говорит Деникин, «старый сверхсрочный фельдфебель Сцепура собрал роту, поднял многозначительно кулак в воздух и произнес внятно и отдельно: «Теперь Вам — не капитан Деникин. Поняли? — «Так точно, господин фельдфебель!» Рассказывали, что рота потом попра-

вилась.

Так вот, будучи капитаном, Деникин разложил роту, а в чине генерала — армию, что подтверждает его политика на протяжении всего периода от начала революции 1917 г. и до трагического конца Белого Движения.

В 1917 г., когда было очевидно, что Временное Правительство оказалось не в состоянии справиться с анархией и своей политикой ведет Россию к гибели, многочисленные группы офицеров и общественные деятели, болевшие душой за Россию, предлагали Деникину объявить военную диктатуру, но он не внял этому предложению и тем дал возможность большевикам беспрепятственно захватить власть.

На юге России, стоя во главе Добровольческой армии, он все время ссорился с казачеством — основной антибольшевистской силой и не признавал противобольшевистские группы, если они не были под его командованием. Этим он распылял силу для борьбы, забывая неоспоримую истину, что в единении — сила. В результате этой странной политики, Деникин оставил дезорганизованную им армию и поспешил уехать за границу.

Генерал Деникин в полной мере доказал свою солидарность с разрушителем устоев нашей Матери-России Керенским своим выступлением 16-го Июня 1917 г. на совещании в ставке: Он сказал следующее: «Ведите русскую жизнь к Правде и Свету под знаменем свободы. Но дайте и нам реальную возможность за эту свободу вести войска под нашими старыми боевыми знаменами, с которых — не бойтесь! стерто имя Самодержца, стерто прочно и в сердцах наших. Его больше нет, но есть Родина»...

После этого Керенский подошел к оратору, тепло поблагодарил его и был рад, что в верховном командовании он нашел себе спутника разрушения Монархического строя. И вот, мы видим, что Деникин, став во главе Добровольческой армии, действительно охранял заветы Керенского.

— 0 —

Великий князь Николай Николаевич знал обо всем, что происходило в Добровольческой армии, о непозволительном отношении генерала Деникина к казачеству и противобольшевистским группам. Николай Николаевич видел, что необходим человек, который бы объединил все группы, чтоб они слились

в одно монолитное целое, под одним авторитетным командованием, и он не раз предлагал свои услуги стать во главе Белого Движения.

Неоднократно, через близко стоявших к нему людей, он сообщал генералам Алексееву и Деникину о своем желании принять участие в борьбе с большевиками, намекая, что всем разногласиям, претензиям на власть и неполадкам в армии должен быть положен конец.

Нельзя не согласиться, что этот подход Великого князя был единственно правильным, чтобы создать объединенную, сплоченную и единую мощь под водительством одного авторитетного и сильного человека, и при таком положении, нет сомнений, что весь этот разнобой, игра в вожди, были бы устранены, и Россия была бы спасена. Но, увы! этого не случилось только благодаря опасениям Деникина, боявшегося допустить Николая Николаевича стать во главе героического Белого Движения.

Великий князь Николай Николаевич скорбел, что послал телеграмму Государю Императору Николаю II о необходимости отречения от престола, чем до известной степени способствовал гибели монархии и разрушению России и, выражая желание принять участие в борьбе с большевиками по восстановлению России, он тем самым искренне хотел загладить этот свой необдуманный шаг.

Князь Волконский, будучи в Новочеркасске у генерала Алексеева, передал ему желание Великого князя. Об этом разговоре генерал Алексеев сообщил письмом генералу Деникину 30 Июня 1918 г. за №65. Затем и в Августе князь Волконский, при встрече с Алексеевым в Екатеринодаре, где присутствовал и Деникин с Романовским, повторно передал о готовности Николая Николаевича принять на себя высшее командование Добровольческой армии, стать во главе движения, при чем на этот раз Великий князь уже прямо указывал на необходимость этого мероприятия, мотивируя это получением заявлений и писем от множества представителей армии и обществности, ожидая немедленного ответа на свое предложение.

Разрешение этого вопроса — о приглашении Великого Князя стать во главе Белого Движения — приняло затяжной характер, т. к. генерал Алексеев в это время был сильно болен,

а генерал Деникин к этому относился отрицательно.

В Сентябре мес. 1918 г. в Екатеринодаре пошли упорные слухи, что Великий князь Николай Николаевич соглашается стать во главе Южной и Астраханской армий. Эти слухи встревожили Деникина; он созвал своих друзей, способствовавших свержению с престола Императора, а именно: М. Родзянко, В. Шульгина, князя Львова и нач. штаба Романовского. Совместно было составлено письмо Великому князю, каковое для большей убедительности было подписано и ген. Алексеевым, на этом совещании не присутствовавшим по болезни.

Письмо это было послано Великому князю Николаю Николаевичу 15 Сентября 1918 г. В нем порочились Астраханская и Южная армии, как выступающие несвоевременно с монархическими лозунгами и поддерживающие связь с немцами. Заканчивалось письмо предупреждением, что Великий князь не должен участвовать в братоубийственной войне. К этому письму князь Львов приложил свое письмо, в котором напомнил Великому князю, что Временное правительство, основываясь, якобы, на всенародном желании, решительно, настойчиво высказывалось против занятия Членами Дома Романовых каких-либо государственных должностей.

Великий князь понял смысл этого письма и лаконически ответил: «Будьте покойны».

Указанное выше предложение Великого князя Николая Николаевича было своевременным и в то время необходимым, так как князь знал неполадки в армиях Белого Движения на Юге России и своим вмешательством хотел разрубить этот гордиев узел, мешавший вести борьбу с большевиками за освобождение России от захватчиков, но генерал Деникин игнорировал это разумное предложение, охраняя свой пост от конкурентов.

Ближайшие соратники Деникина по Белому Движению говорили о нем следующее: Ген. Деникин представлял из себя типичного среднего обывателя. Благодаря упорному труду, пройдя суровую жизненную школу, он выработал собственный и определенный взгляд на жизнь, твердо этого своего взгляда придерживался, исключая все, что находится вне этих непрекаемых для него истин, и был в высшей степени щепетильным.

Сын армейского офицера, он большую часть своей службы

(жизни) провел в армии, сохранил черты своей среды — провинциальной, мелко буржуазной, с либеральным оттенком, с предубеждением к «аристократии», двору, гвардии, и, оказавшись на верхах армии и власти, невольно стремился оградить свое достоинство от призрачных посягательств на его пост.

Боясь перемен, он сторонился и даже преследовал всех, кто мог бы дополнить его несовершенство.

Судьба неожиданно взвалила на его плечи огромную ответственную работу и бросила его в водоворот политических страстей и интриг. В этой, чужой ему, работе он терялся; у него не было тех качеств, какими можно действовать на толпу, зажигать сердца, овладевать душами, он никому не доверял, а в то же время не находил в себе достаточных сил, чтоб твердой и уверенной рукой вести государственный корабль.

Общественность, из среды коей он черпал советников и сотрудников, в своей массе состояла из людей слова, а не дела. Эти люди не обладали соответствующими знаниями и опытом и принадлежали, в большинстве, к той интеллигенции, которой даже в политической борьбе был чужд действенный порыв, и желание — проявить себя в творческой работе.

В моем очерке я говорил только о причинах поражения Белого Движения, на Юге России, хотя это поражение связано с общим поражением. На Юге картина этого поражения была в особенности трагична, т. к. здесь особенно ярким цветом расцветала надежда на победу над красными, именно здесь имелись, казалось бы, все основные предпосылки для такой победы: было время, когда наши вооруженные силы занимали почти половину Европейской России, ее богатейшие Области — Дон, Кубань, Украину, значительную часть черноморской полосы включая в себе надежнейшие боевые ресурсы, в виде трех казачьих войск и кавказских горцев, некоторую материальную поддержку иностранных государств в области вооружения и обмундирования, опирались на такие промышленные бассейны, как Баку, Донбасс, Кривой Рог, и вот, несмотря на все эти предпосылки победы наступила катастрофа, и наша родина оказалась во власти авантюристов — коммунистов.

Много и очень много об этом писалось, и все же нужно признать, что о главной причине говорилось мало, лишь вскользь, а те, которые осмеливались выявлять причины этих

горьких, но неопровержимых истин, всегда причислялись к врагам Белого Движения, и даже чуть ли не к советским попутчикам. Но отбросить эту правду, утаить — скрыть, руководясь лишь желанием не обидеть того или иного почитателя Белого вождя или отнести эти причины к числу совершенно роковых непреодолимых препятствий, считаю неверным. Главной причиной является все то, что сказано в этом очерке о генерале Деникине.

Было ошибкой, что Верховный Главно-командующий Вооруженных Сил Юга России — Деникин — не считал нужным объявить всему русскому народу и своим бойцам, против чего они борются, и во имя какого нового порядка, и какой верховной власти. Увы, против ярких, определенных и заманчивых лозунгов Ленина и его лживой шайки, он, Деникин, вел свои героические войска под теми белыми знаменами, которые ничего определенного не сулили.

И, именно, эта основная причина поражения Белого Движения последовательно породила и все остальное.

Не было выработано положение, с четко сформулированными положительными лозунгами борьбы, и с ясно и недвусмысленно высказанной социальной, политической и руководящей программой того порядка, который будет установлен в освобожденной от большевиков России.

Для решения этой задачи главнейшим органом Верховного Командования Юга России должен был стать отдел пропаганды из талантливых руководителей, и хорошо подготовленных кадров пропагандистов, которые бросали бы в массы населения, не только в прифронтовой полосе, но и в глубокий тыл красных войск заманчивые лозунги.

Вместо этого Главное Командование создало жалкий, бездарный и ничтожный «Осваг», который, вместо нужной работы, занимался местными сплетнями, и по поводу которого один из ближайших сотрудников генерала Деникина писал в своих воспоминаниях: «Надо откровенно признаться, что с делом постановки «пропаганды», и правильного осведомления населения, мы совсем не справились и наша «пропаганда» никакой пользы не принесла, состав же сотрудников на местах был так слаб, и не подготовлен к работе, что их деятельность была часто явно вредна нам. Эта же бездарность выразилась и в том, что Главное Командование не смогло понять того

факта большой важности, что победить большевиков можно было только с поддержкой широких трудящихся масс занимаемых областей, а эту поддержку можно было получить не только путем пропаганды, даже и хорошо организованной, но и совершенно реальными мероприятиями в отношении рабочих и крестьян. Что же мы видим на самом деле? За все время своего существования Особое Собрание при Главнокомандующем не удосужилось решить земельного вопроса, с полной ясностью для крестьянства, и в том духе, который побудил бы это крестьянство всей своей массой только что демобилизованных отлично обученных солдат, и унтер-офицеров — пополнять быстро таявшие кадры добровольческой армии.

Точно также не был решен и рабочий вопрос, почему в занятых Белой Армией местностях рабочие становились легкой добычей большевистской пропаганды, которая им внушала, что они станут объектом прежней эксплуатации фабрикантов и заводчиков, также как она твердила — и не без основания — крестьянам, что на их шею снова сядут помещики. Генерал Лукомский констатирует результат этого позорного и бездарного бездействия генерала Деникина и его ближайших советников в этих важнейших областях социальной и экономической жизни; недовольство крестьян и рабочих, бесплатные реквизиции, грабежи, поддержка войсками помещиков, вымещавших на крестьянах свои потери и убытки. Условия жизни рабочих не были улучшены и т. д. Фактически, — пишет Лукомский, — никакого земельного закона у командования Добровольческой армии не было. Закон был выработан незадолго до катастрофы, случившейся на фронте в Декабре 1919 года.

Политическое несовершенство Деникина, и его советников не могло подсказать необходимость проявить в нужный и необходимый момент исключительную твердость, с которой надлежало ликвидировать позорные грабежи на фронте, ненужную и постыдную спекуляцию, раздутость до пределов безобразия многочисленных тыловых организаций, преступную продажность контрразведки и многое, многое другое. Кто же виноват во всем этом?

Недопустимым эгоистическим капризом было отозвание генерала Мамонтова из его знаменитого и смелого рейда. Ген. Мамонтов со своим корпусом — казаками беспрепятственно,

смело шел к Москве, жители на всем его пути радостно встречали, большевистские же вожди трепетали, и уже были готовы прятаться в кусты, как зайцы, ибо у них в Москве не все было благополучно, у них не было реальных и надежных сил, которыми они могли бы препятствовать Мамонтовскому рейду, ни под Москвой ни в самой Москве. Большевики не могли угоняться за его молниеносными и смелыми появлениями то тут, то там. Нахождение казаков в районах близких к центру — Москве парализовало всякую работу большевиков и нагнало страх на их вождей. Нужно сказать, что к этому времени в Москве и везде было много недовольных красными порядками. Там много осталось офицеров и других русских патриотов, которые в Москве с нетерпением ожидали появления корпуса, и они охотно бы помогли разгромить шайку большевиков, захвативших насильно и незаконно власть. Большевистские вожди это знали, но у них выхода не было, ибо все силы были брошены на Юг и Восток, где успехи в это время шли далеко не в их пользу. Но генерал Деникин вместо того, чтобы послать Мамонтову инструкции, как держаться в занимаемых областях, и дать ему пропагандистов, и пропагандный материал, необходимый для крестьян и рабочих, не сделал этого. Так как корпус Мамонтова в тылах противника перемещался с одного места на другое, он мог бы буквально засыпать листовками население, чем бы в корне парализовал большевистскую пропаганду. Но вождь Белого Движения думал о другом: он боялся, что генерал Мамонтов войдет первым в Москву, а не он въедет на белом коне, и отозвал корпус казаков из знаменитого рейда.

Эта возмутительная неразумная мера вождя возмутила участников рейда, и, вообще, неблагоприятно отразилась на казаках, охладив их порыв к борьбе.

Бесконечно много ошибок делал вождь Белого Движения Деникин, но в моем кратком очерке нет возможности остановиться на всем этом. Чего стоят переговоры с руководителями Белого Движения Востока с Югом и торговля Деникина за верховное руководство!

В своем очерке я считаю более достойным вождем генерала П. Н. Краснова, и действительно он был на своем месте, ибо всем известны его способности, которые он обнаружил при начале борьбы с большевиками на Дону. Будучи атаманом

Донского Войска, он сумел продуктивно использовать, свое положение, привлекая для общей борьбы все те силы, которые были против большевиков. Он им помогал всем возможным, и тем заслуживал доверие, вызывая желание — охотно идти для выполнения его плана. Но Деникин все его планы в силу честолюбия и своей антипатии к Краснову разрушал, но лишь только эти планы могли Белое Движение довести до благополучного и желательного конца. Были другие вожди, как то: генерал Врангель, Великий Князь Николай Николаевич, но Деникин игнорировал их. Вот это влечение к власти Деникина помогло погубить Белое Движение на Юге России и вообще.

Но есть вопросы не менее мучительные. Мы часто с благоговением вспоминаем тех юношей — кадет, гимназистов, реалистов, которые пали геройской смертью в рядах белых частей. Но на ком же лежит ответственность не только за то, что они погибли, но и за то, что они погибли напрасно? На ком лежит ответственность за тех несчастных, тяжело раненных офицеров, кадет, гимназистов, солдат, докторов и сестер милосердия, которые были брошены на съедение красным зверям, и жестоко умученных в станице Елизаветинской, после отступления из Екатеринодара?

Виновником нужно считать Верховного Главнокомандующего генерала Деникина, который взял смелость — возглавить славное Белое Движение, но не сумел довести таковое до победного конца, потому, что был неспособным вождем. Ему эта работа была не по плечу, но он упорно и до конца охранял свой пост, хотя сам чувствовал свою слабость, но не сдавался. И это упрямство погубило Белое Движение с неисчислимыми жертвами и лишениями всего русского народа.

Каждый участник в Белом Движении имеет право утверждать: если все страдания и опасности, перенесенные нами в рядах Белой Армии, оказались напрасными, если вся наша жизнь оказалась скитанием по чужим углам, если многие тысячи наших братьев и боевых товарищей напрасно полегли на кровавых полях Дона, Кубани, Донбасса и в других местах, то виновны в этом те, кто взял на себя смелость игнорировать душу русского народа, его вековые идеалы, его любовь к Царю, его стремление знать правду о том, что принесет ему торжество Белого Движения, — те, кто несли на своих знаменах бесцветные и духовно убогие лозунги, неспособные

овладевать душою широких народных масс, без поддержки которых победа была и стала недостижимой.

Освобождения нашей Великой в прошлом России, мы все же ожидаем, и оно, это время, настанет. Святая Русь освободится от поработителей. Освободится от зла и лжи, и тогда новые поколения нашей страны, с особенной любознательностью накинута на правдивое описание наиболее близкого по времени к ним исторического прошлого, описание эпохи, предшествовавшей первой мировой войне, эпохи революции и гражданской войны. И в этой части новейшей истории освобожденной России будет глава: причины прекращения Белого Движения, материалы для которой может дать русская эмиграция, так как значительная часть ее принимала личное и активное участие во всех событиях и накопила во время своего пребывания в зарубежье большое количество печатных материалов.

Что же привело славное Белое Движение к трагическому концу? Движение, возродившееся на Дону под водительством славных генералов и истинных патриотов Корнилова и Каледина, а затем мудрого политика и непревзойденного администратора генерала Петра Николаевича Краснова?

Ответ может быть только один: зависть людей, стремившихся к власти, но не способных быть вождями в собственном смысле этого слова.

Эти «вожди» своей неумелой политикой остановили порыв казаков к борьбе с большевиками. Эти стремящиеся к власти люди, поссорились с Украиной, Грузией и др. народностями и группами, превратив их в своих врагов. Они, эти вожди, ссорились и с теми людьми-казаками, на средства и силу которых опирались.

Не политики, а честные и славные воины: генералы, офицеры, унтер-офицеры, рядовые солдаты, казаки, юнкера, кадеты, гимназисты и реалисты, которые составили славную Добровольческую армию, были жертвой бесславного руководства своих «вождей».

Эти светлые люди, добровольно стремившиеся на Юг и собравшиеся на Дону вокруг основоположника Белого Движения, — генерала Корнилова знали, что идут на смерть, но они шли со святой верой в необходимость своего подвига, не ожидая для себя никаких наград. Цель их была одна — защита Родины России от большевистского наводнения.

Никто не может и не смеет умалить достоинства, преданность, беззаветную жертвенность, отвагу и храбрость этих людей, участников исторического, героического Белого Движения, отдавших свои жизни за благо Родины.

Вечная слава и вечная память этим героям: — Корниловцам, Марковцам, Дроздовцам и др., погибшим за честь Матери России.

История не забудет этих рыцарей и будет славить их до скончания века.

— — —

Трагическое окончание Белого Движения тяжело отразилось, как мы знаем, на положении населения нашей Родины, в течение уже более сорока лет изнывающего под большевистским гнетом, и особенно на казаках, как главных участниках борьбы. Об этом ясно свидетельствуют мои ниже приводимые статьи.

БЕДСТВИЕ.

(При отступлении Белой Армии в 1920 г.)
(Из моих воспоминаний)

Дрожь и трепет охватывают при воспоминании о прошлом. Хотелось бы забыть все это, но память, злой властелин, восстанавливает образы мучеников и все пережитое.

Начало весны, 1920-й год. Весеннее солнце дружно, как всегда бывает на юге, растворило толстое покрывало снега, обратив его в безбрежное водное пространство. Вода разлилась повсюду. Дороги потерялись.

И вот в это время бесконечные обозы — конные, пешие, белых воинов и беженцев с Дона и других мест, тянулись сплошными вереницами по направлению к Новороссийску.

Бегущая людская масса с семьями, домашним скарбом и скотом, гонимая страхом нашествия большевиков, двигалась по этому неприглядному пути, меся клейкую почву с талым снегом и водой и превращая дорогу в непроходимую зыбь-трясину.

Дальше продвигаться было немислимо: все застревало в этой зыби, подводы погружались в грязь, колеса переставали вращаться и тянули за собой волны этого месива. Лошади и волю падали и задыхались от тяжести и изнурения. Ко всему этому несчастью присоединился другой Божий бич — свирепствовал тиф всяких форм, сыпной, возвратный, брюшной...

Подводы, нагруженные необходимыми домашними вещами, больными, детьми, женщинами и стариками, бросались в поле в этой грязи, а более сильные и здоровые садились верхами на лошадей, или пешком продолжали свой путь в неизвестность. Впереди у этих несчастных не было никаких перспектив, а сзади преследовали страшные человекозвери — большевики.

Нет, не родился еще тот художник, который мог бы нарисовать подобную страшную картину, показать со всей ясностью переживания бегущих людей! Кисть художника и перо писателя беспомощны и бледны. Этот ужас невообразим и неопишем.

На паре сильных, дружных, здоровых лошадей, запряженных в исправную, новую тачанку, я пробирался по этому тра-

гическому пути со своим 17-тилетним сыном Васей, который уже участвовал в белом движении вместе со мною.

Мы были сильны, крепки, и здоровы, как наши боевые товарищи — лошади. Минуя несчастных сотоварищей, мы то и дело сворачивали вправо и влево. Мы не ехали, а плыли по этому месиву, прокладывая себе новый путь. Часто попадались подводы, застрявшие в грязи, — люди на них были обречены на смерть. Тяжело было смотреть на эту картину и на умоляющие лица несчастных, брошенных в пути. Некоторые просили о помощи, иные плакали, другие смеялись, очевидно, потеряв рассудок.

Несчастье увеличилось, когда пошел дождь со снегом.

Чем дальше мы продвигались, тем хуже становилась дорога: на ней образовались глубокие ухабины - ямы. Некоторые из них были наполнены сломанными повозками с разным скарбом и трупами павших животных, а иногда из них торчали ноги и руки людей.

Сердце каменело, разум притуплялся, ибо все это было мучительно и страшно...

Лошади у нас были сильные и сбруя исправная, но стихия была сильнее...

На другой день этого страшного пути моя тачанка утонула в одной из многих ям и погрузилась в вонючую зыбь. Грязь стала наполнять середину тачанки, лошади взвились на дыбы, сиюсь вытащить свою ношу, но, увы, не могли этого сделать. Они вырвали передок с двумя колесами и рванулись вперед без тачанки. Сын сидел на козлах, правя лошадыми, и они своим порывом вперед стянули его с сиденья в грязь, но он все же вожжей из рук не выпустил, а, барахтаясь в грязи, сумел вернуть лошадей к тачанке, в которой был я. Тогда, стоя на тачанке, мы освободили лошадей от передка, оседлали их и поехали дальше верхом. Тачанку со всеми вещами бросили, так же, как и другие, бросали свое добро.

Вечерело. Дождь со снегом перестал и как будто стало морозить. Солнце садилось. Оно было красивого пурпурного оттенка, яркое и большое, что предвещало хорошую погоду.

Было тихо, но в душе у меня была буря. Я боялся за сына, что он заболит, так как он промок до костей, его знобило. У меня под седлом было теплое, байковое одеяло. Я передал его сыну и помог ему укрыться, но, к сожалению,

это мало помогло. Я все время искал на пути глазами какое-нибудь убежище, где бы можно было согреться. И это убежище мы скоро заметили. В стороне от дороги, в двух верстах была кошара, куда мы и направились.

На этой кошаре было два человека, весьма подозрительного вида. Я заметил, что они все время о чем то переговариваются между собой и посматривают искоса на нас и на наших лошадей, на мои вопросы неохотно отвечают и от разговора уклоняются.

Дальше мы не могли ехать так как наступала ночь, и явно заболел сын - Вася.

На кошаре была землянка, а в ней — исправная печка; там же была солома. Я затопил печку и послал сына в землянку, — сам же остался следить за подозрительными субъектами. Лошадей я поставил к скирде сена. Они жадно набросились на него и поминутно фыркали и отряхивались, сбрасывая с себя грязь и как будто согреваясь. Я их пока не расседлывал, но разнуздан и ослабил подпруги, а сына предупредил, чтобы он свое оружие держал наготове и прислушивался.

Держался я все время вне землянки. Темнело. Вдруг две фигуры, крадучись, шмыгнули за скирды соломы. У меня мелькнула мысль, что в соломе спрятано оружие. Я не ошибся. Быстро подбежав за скирды, куда они скрылись, я застал одного из них отрывавшим из соломы винтовки. С револьвером в руке и с криком: «руки вверх!» я мгновенно подбежал к ним. Человек, искавший в соломе винтовки, не успел еще подняться, но уже держал в руках две винтовки. Сын, услышав шум, подбежал с револьвером в руках, направив дуло на второго человека. В это мгновение я толкнул ногой первого из них с такой силой, что он полетел в сторону, выронив из рук винтовки, и когда он встал, то по моему требованию, поднял руки вверх.

Напуганные внезапным оборотом дела не в их пользу, они по моему грозному требованию, с перепугу немедленно сознались, что занимались грабежом, пользуясь несчастьем людей, и что намеревались расправиться и с нами, забрать лошадей и все, что было у нас.

На кошаре нашлась хорошая веревка, которой мы их связали и поместили в чулане — кладовой землянки, которая

была без окон, но хорошо запиралась.

После неожиданной боевой схватки с мародерами, мы расположились в землянке, внося в нее отобранное оружие и патроны. В землянке было тепло. Мы разделись, стали сушить одежду, согрели чай и как будто нашли отдых после всех переживаний. Постель мы сделали из свежей соломы, и сын, измученный и продрогший, скоро заснул, но мне спать почти не пришлось. Я все прислушивался к связанным мародерам и вообще к каждому шороху, да кроме того занимался по хозяйству, приводя свой ночлег в безопасность. К землянке была пристроена конюшня из плетней, обмазанных глиной. В нее из землянки выходило окно, хотя без стекла, но со ставней.

Лошадей я расседлал, седла и сбрую внес в конюшню; в ясли наложил хорошего сена и поставил сюда лошадей. Хорошо заперев дверь конюшни изнутри на засов, сам влез в землянку через окно и прикрыл его ставней. Также и дверь землянки запер на крючок. Все вышло удачно, и я почувствовал себя сравнительно спокойно, как в крепости.

Я улегся на соломе и стал отдыхать и прислушиваться к каждому шороху: как лошади чмокали, пережевывая душистое, сладкое сено, как связанные мародеры стонали от неудобства и пререкались тихонько о чем то между собою; мыши и крысы пищали, деля оставшиеся от нашего ужина крошки. Я как будто спал, но это была лишь дремота, и картины минувшего дня лезли в голову и сменялись одна другой. Я отчетливо представлял катастрофический конец всех этих событий. Мне было невыносимо больно за страдания и гибель наших людей, за потерю надежды на спасение родины от большевистского ига...

Сын в это время беззаботно спал крепким юношеским сном и слегка похрапывал. «Счастливая юность, но несчастное время», — подумал я. Что будет с ним в дальнейшем, при таком круговороте?

Было далеко за полночь, приближался рассвет. Я открыл ставню, чтобы посмотреть на лошадей, так как их не было слышно: они лежали на полу вытянув ноги и сладко спали, отдыхая. Попытался уснуть и я, но так и не уснул. Настало утро, солнце всходило, желтые светлые полосы его лучей пучками проникали в маленькие окна землянки, внося с собой какое то облегчение, в наблевшее, утомленное сердце.

Я разбудил сына, попросил его приготовить завтрак и готовиться к дальнейшему походу. Сам я, измученный бессонницей и всем пережитым, прилег, казалось на минутку, но проспал больше часу.

Сын разбудил меня: «Завтрак давно готов, папа, но мне было жалко будить тебя: ты очень сладко и крепко спал». Я порадовался в душе, что я не один, и что есть кому позаботиться обо мне.

Сладкий часовой сон освежил меня, и я встал бодрый и здоровый, готовый к новой борьбе за жизнь.

Мы развязали пленных, передали им мешок с их провиантом и поставили им ведро воды, но чулан и кладовую заперли, так как я предполагал в ближайшей станице сообщить о них властям. Сами мы позавтракали, оседлали лошадей и готовились к отъезду.

С утра холодило. Был легкий морозец... тихо. Солнце, всходя, горело ярко багровым цветом.

Неподалеку от нашего ночлега я заметил трех всадников и мы поспешили к ним навстречу. Верховые оказались Кубанскими казаками ст. Е., которая находилась в 12-ти верстах от нашего ночлега. Они назвали себя патрульными от названной станицы. Я рассказал им о случае на ночлеге в кошаре и сообщил им, что эти два человека оставлены нами запертыми в землянке. Патрульные были довольны нашим сообщением.

Казаки сообщили нам неприятную новость, что в их станице много тифозных больных, как своих, так и беженцев, и станица воздерживается от приема на ночлег новых беженцев.

Старший патрульный урядник написал и передал мне записку на имя атамана, с просьбой оказать нам возможное содействие. А меня просил обязательно заехать в правление и рассказать о событиях в кошаре. При этом он добавил, что и сами они надеются к вечеру быть в станице. На этом была закончена беседа с патрулем. Мы разъехались в разные стороны. Патруль поехал на кошару, а мы по направлению к их станице.

По дороге, не доезжая до станицы Е., примерно в трех верстах от нее, мы увидели увязшие в грязи две подводы, — одна из них без людей, но с поклажей, а на второй полулежала, полусидела больная калмычка, и там же, около нее, лежали двое детей. Калмык все время ходил от одной подводы

к другой и что-то бессвязно бормотал и жестикулировал.

Я пытался с ним заговорить, но он не обращал на меня внимания, продолжая ходить и говорить сам с собой.

Калмычка слабым, еле слышным голосом, сказала: «Он помешался», и указала на детей лежавших на повозке рядом с ней.

Тут я узнал, что один мальчик, шести лет, был мертвый, а второй, восьмилетний, еле живой.

Калмычка попросила, чтобы я принес со второй подводы мешок с продуктами и баклажку с водой. Не слезая с коня, я исполнил ее просьбу и обещал заявить о них в станице. Она покачала головой в знак безнадежности и, когда мы поехали, горько заплакала.

По дороге в станицу я заметил, что сыну нездоровится. Лицо его необыкновенно горело. Всегда он был любознателен и словоохотлив, но сейчас молчал, был мрачен и ничем не интересовался. Когда мы задержались около подводы калмычки, он торопил меня скорее ехать дальше.

В станицу мы приехали в полдень, так как задержались с патрульными и у подводы калмычки, да и дорога была очень плохая.

Заехали мы прямо в станичное правление. Лошадей оставили во дворе правления у больших досчатых яслей, где было доверху наложено сено, а сами вошли в переднюю правления, где стоял столик и несколько скамеек. В углу сидел и дремал пожилой кубанец, как выяснилось позже, посыльный-полицейский. Мы даже еще не успели спросить его ни о чем, как он указал нам на дверь и сказал: «Атаман здесь».

Сын, молча, сел на одну из скамеек около посыльного, а я вошел в кабинет атамана, поздоровался с ним и передал ему записочку патрульного урядника. Атаман читал и все время самодовольно улыбался в усы. За это время, я рассматривал кабинет и наружность атамана; — он был среднего роста с большими усами, спущенными вниз, коренастый, лет примерно, шестидесяти. Вид у него был бодрый и здоровый, одет он был в кубанский бешмет, обут в сапоги и напомнил мне Тараса Бульбу.

Когда атаман прочел записку, он предложил мне рассказать о людях, с которыми мы встретились на кошаре и, вообще, все, что произошло там. Я исполнил его просьбу, и видел, что

он был удовлетворен моим рассказом. Он спросил: — «А где же сын, герой, с которым вы проделали столь доблестную и, нужно сказать, опасную операцию? Я сказал, что он здесь, в приемной, и указал на дверь. Атаман вызвал посыльного и сказал ему:

«Позови молодого казака, который в приемной».

Сын услышал разговор, вошел в кабинет и, по-военному приложил руку к козырьку. Атаман поздоровался и поблагодарил нас обоих, спросив «Чем могу быть полезным?»

Я просил предоставить нам ночлег и добавил, что мы очень устали.

Атаман весело улыбнулся и заявил: «Конечно, ночлег будет предоставлен. Я прошу вас остаться у нас на несколько дней — отдохнете, да и вы нам будете нужны при оформлении необходимых документов о поимке мародеров». Он добавил, что Землянухин, старший патрульный, обещал к вечеру доставить мародеров и, в свою очередь, просит, чтобы мы задержались. Меня это устраивало, и я охотно согласился.

После того атаман вызвал посыльного полицейского и сказал ему: «Проводи станичников к Землянухиным и скажи, что я прошу Зинаиду Ивановну оказать радушный прием этим господам». Попрощавшись, мы вышли. Я хотел взять лошадей, но посыльный казак сказал, что Землянухины живут близко. «Лошадей я поставил в конюшню правления, а вы не беспокойтесь, я посмотрю за ними, они будут сыты и в тепле... Ваши седла и другое имущество будет в сохранности».

Землянухины жили через три двора от правления, около церкви. Когда мы вошли в их двор, посыльный попросил подождать у дверей, а сам вошел в дом.

Скоро вышла хозяйка дома, а за ней посыльный, наш проводник. Хозяйка просила нас пожаловать в дом. Мы вошли через большой, светлый коридор, также в большую комнату, которая служила кухней и столовой. Посередине ее стоял большой стол, накрытый белой скатертью. Мы обменялись с хозяйкой несколькими словами. Она предложила нам раздеться в коридоре и добавила, что там есть вешалка для одежды и умывальник. Мы еще не успели раздеться, как она внесла ведро теплой воды, которую влила в большой медный умывальник и повесила два полотенца, добавив: «Ну, приводите себя в порядок после дороги и пожалуйста потом в комнату».

Мы разделись, умылись и вошли в комнату. Стол был уже накрыт, и хозяйка любезно пригласила к столу.

Во время обеда мы узнали, что патрульный урядник, — это ее муж, Землянухин Павел Иванович. Хозяйка была довольна, что мы уже знакомы с ним.

Затем Зинаида Ивановна сообщила нам, что она работает в станичном санитарном пункте, и что она — фельдшерица, а теперь, за неимением врача, заведует санитарным пунктом. Пожаловалась она и на то, что работы очень много.

Сын мой — Вася хотя и сидел за столом, но ел мало. Хозяйка заметила это и как бы в шутку сказала: «Хорошо, что вы попали ко мне». Затем обратилась к сыну и весело заметила: «Не унывай, голубчик, ты молодой и скоро поправишься». Этим она дала понять, что сын болен тифом. Я и сын сердечно благодарили ее за радушный прием и хорошие пожелания.

После обеда она сказала, что спешит на пункт и там пробудет до вечера, нам же предложила располагаться, как дома. «Занимайте вот эту горницу». Сыну она посоветовала занять кровать, а мне — диван. «Подушки и, вообще, постельные принадлежности распределите сами. Надеюсь, вам будет удобно. Ну, до свидания. Да, впрочем, когда приедет муж, скажите, что вас прислал атаман, а я рада быть полезной вам».

Я был очень доволен хорошим приемом атамана и гостеприимством хозяйки.

После ее ухода я разобрал кровать и уложил сына. Он уже был совсем болен, и я очень беспокоился за него. Но меня утешало то, что мы попали в хороший дом, к милой и гостеприимной хозяйке и я надеялся, что правильный и хороший уход поможет скорейшему выздоровлению сына.

Оставив его в кровати, я пошел в правление, навестить своих лошадей. Там я застал того же доброго рассыльного. Он мне сказал, что напоил лошадей и дал им корма, а на ночь наложил достаточно сена. «Так что все в порядке, ваше благородие». Я поблагодарил его и попутно зашел к атаману. Он приветливо встретил меня. Справился, как мы устроились. Я поблагодарил и добавил, что хозяйка очень любезная. Он, весело улыбаясь, подтвердил: «Да, Зинаида Ивановна — бой-женщина, она молодец, гостеприимная, везде успевает, многим помогает, и нужно сказать, все это делает с любовью и от

души».

Во время нашего разговора послышался шум во дворе правления. Атаман подошел к окну и, сейчас же подзвав меня, сказал: «Ну, что, узнаете своих приятелей?» Я увидел из окна этих разбойников и подтвердил: «Да, это они, голубчики».

Мы с атаманом вышли во двор. Атаман поздоровался с Землянухиным и другими патрульными и поблагодарил их. Землянухин подошел ко мне и пожав мне руку, громко сказал, обращаясь к атаману: «Не меня нужно благодарить, а вот этого господина, а мы что? Наготове — взяли этих проказников и вот доставили в ваше распоряжение. Теперь разбирайтесь с ними, как знаете». Атаман предложил мне и Землянухину зайти в правление. Когда мы входили туда, атаман распорядился пригласить местного судью и двух понятых. В правлении мы разместились за большим столом и вели разговор, касаясь народного бедствия.

Я воспользовался случаем и сообщил атаману о семействе калмыков. Атаман обещал оказать содействие, но со вздохом добавил: «Сколько их, несчастных этих людей, и мы, откровенно говоря, бессильны чем-либо облегчить это людское бедствие».

Спустя несколько дней, я справился у атамана о судьбе семейства калмыков. Он с горечью сказал, что на второй день после нашего разговора была послана санитарная повозка, но к сожалению, было уже поздно: калмык лежал, уткнувшись лицом в грязь, уже мертвый, двое детей тоже умерли, а калмычка в бессознательном состоянии была доставлена в станичный санитарный пункт и через день умерла. Калмыка и двух детей предали земле на месте.

Во время нашего разговора в кабинет атамана вошли три господина. Атаман познакомил меня с вошедшими. Один из них был высокого роста, стройный, с военной выправкой в кубанском бешмете с гозырями, в кубанке и высоких сапогах; на плечах его красовался большой голубого цвета башлык с серебрянными позументами и такой же бахромой. Из левого рукава бешмета немного выглядывала рука без кисти. Указывая на него, атаман сказал: «Это, господин судья, полковник Астапенко, а это — уважаемые заседатели». Два господина, названные заседателями, были преклонного возраста кубанцы, очень симпатичные с виду.

Атаман объявил нам всем, для чего он нас созвал: это был состав скорого полевого суда.

Атаман встал, перекрестился на образ Спасителя, который был высоко в углу, где ниже стояла насека (булава) — знак атаманской власти и достоинства. Мы все последовали его примеру и торжественно насторожились. Атаман сказал: «Заседание открыто». Он подробно познакомил всех присутствующих с материалом, и затем предложил мне первому рассказать, как я со своим сыном задержал грабителей. Я со всей ясностью осветил этот случай. Все присутствующие внимательно слушали меня.

После меня урядник Землянухин сообщил, как он, находясь в патрулировании с двумя другими казаками, встретил меня с сыном и узнал от нас о мародерах, и как он нашел их на кошаре.

В результате обсуждений дела, был составлен протокол, после чего господин судья предложил вызвать задержанных. Им был зачитан протокол и они без всяких протестов подписали его.

По окончании нашего заседания, я с Землянухиным пошел к нему.

Когда мы вошли в дом, Зинаида Ивановна была уже там. Она встретила нас приветливо и предложила ужинать.

За ужином она сказала, что сын мой заболел сыпным тифом, и добавила, что он бредил и метался в кровати, и что у него сильный жар. Сидя за столом, я волновался, беспокоясь за сына, мало ел и незаметно для себя вздыхал. Наблюдательная хозяйка нравоучительно предупредила: «Будьте мужественны и знайте, что чему быть, того не миновать. Надейтесь на Бога и не отчаивайтесь: будет все благополучно, — сын поправится». Я сердечно поблагодарил милую хозяйку за доброе пожелание и до некоторой степени успокоился.

Болезнь протекала в тяжелой форме. Зинаида Ивановна старалась облегчить страдания больного и принимала всевозможные меры и средства, как фельдшерица и хозяйка дома. Благодаря жертвенности этой милой, доброй женщины, хорошему уходу и созданному уюту, после кризиса сын стал быстро поправляться.

Больной выздоравливал под строгим наблюдением Зинаиды

Ивановны, и быстро восстанавливал свои молодые силы.

Задерживаться было невозможно, так как большевики приближались, да и мы торопились в Новороссийск для посадки. Дорога за это время просохла и хотя сыну нужно было еще сидеть и пользоваться надзором и уходом Зинаиды Ивановны, но мы вынуждены были продолжать свой путь.

В первой половине марта мы покинули станицу и добрую хозяйку, так сердечно и искренне заботившуюся о нас.

Когда мы прощались и горячо благодарили нашу покровительницу, Зинаиду Ивановну, она со слезами умиления пожелала нам счастливого пути. Она знала, как этот путь тернист и полон всякими случайностями. Поэтому, обращаясь ко мне, как будто приказывая, она сказала: «Берегите себя и вашего милого, славного сына. Благодарите Бога, что Он к вам до сего дня милостив, не забывайте Его, ибо только Он, Всемогущий, спасет вас».

По дороге в Екатеринодар, мы видели следствия минувших ужасов: подводы, застывшие в грязи, одежду и другие вещи, разбросанные по дороге, чемоданы и сундуки, перевернутые вверх дном, некоторые без крышек, павших лошадей, волов и других животных, а также и людей, похороненных в глубоких, теперь сверху застывших ямах.

Движения беженцев уже не было: — они рассеялись в разные стороны, по станицам, кошарам, или продвинулись дальше.

Дороги и ямы затвердели, сверху потрескались. Вокруг было мертво и тихо. Эту зловещую тишину нарушали только вороны, перелетавшие от одной ямы к другой и весело каркавшие, довольные обилием для них пищи.

Весна на Кубани в эту пору — самая страдная пора для посевов, и посевы должны были быть в полном разгаре. Но мы не замечали этого оживления, за исключением редких случаев и очень далеко от дороги. Жизнь обыкновенная, повседневная была нарушена. Но солнце по-прежнему освещало и грело нашу грешную землю, хотя оно и не вносило в наши сердца прежней радости и торжественного весеннего веселья, ибо и мы, и все наши люди были переполнены горем, отчаянием и неведением будущего, и это будущее представлялось кошмаром еще больших страданий.

Казалось, все окружающее было в унынии, и птицы не

пели так, как раньше. Высоко в небе жаворонок рассыпал свою трель, но эта его песнь казалась нам песнью уныния и скорби. Боже, как тяжело и грустно было на душе, особенно тогда, когда в дороге я почувствовал, что и я заболеваю тифом. Что будет со мною и моим милым сыном?

Отчаяние охватывало меня, я терял душевное равновесие, но в эти минуты, как звук трубы, мне вспоминался наказ Зинаиды Ивановны: «Надейтесь на Всевышнего, Он спасет вас» и я обращался в душе с горячей молитвой к Нему, Всемогущему, и получал облегчение...

В течение всего этого отступления бои были со стороны наших только сдерживающие. Сопротивления не было, а большевики также продвигались осторожно. Очевидно, у них силы были незначительные, или не было достаточно военных припасов, вследствие плохой дороги и оторванности от тылов.

Когда мы приехали в Екатеринодар, сын нашел для меня комнату на Красной улице и договорился с доктором, по рекомендации квартирной хозяйки.

В Екатеринодаре сын встретил ученика из Н. Чирской, которого он знал по Реальному училищу. Они вместе бегали, устраивая меня, так как я был совсем болен. Красные были близко от Екатеринодара. Однажды сын спросил меня: «Папа, как же мне быть? Ведь большевики уже в непосредственной близости от нас и во всякую минуту могут ворваться в город».

Я посоветовал ему отступить в Новороссийск. Тогда он со своим знакомым по школе оседлал лошадей и поехали по направлению к Новороссийску. Когда сын прощался со мною, я сильно волновался. Он успокаивал меня, но сам горько плакал. Ему было тяжело оставлять меня больного и одного, но другого выхода не было.

На второй день после отъезда сына, Екатеринодар был занят красными. Они расползлись, как муравьи, по всему городу и окрестностям его и стали наводить «порядок». Очищали город от «контр-революционеров» и прочего, по их выражению, «хлама».

Итак, после отъезда сына я остался один. Но Бог меня не оставил. Он был со мною.

Я был болен тяжелой формой страшного сыпняка, свирепствовавшего в то время повсеместно. Беженцы, если не погибли в пути, то умирали здесь, как мухи осенью. Новые власти

Екатеринодара устроили за городом санитарные бараки, и были сформированы санитарные транспорты из местных жителей, но под контролем красноармейцев. Транспорты эти курсировали беспрестанно по городу и окрестностям его, забирая больных и подозрительных и направляли их в эти бараки. Там не было совершенно никакого ухода за больными: то были бараки смерти.

Там мужчины и женщины были одеты в санитарную одежду только для проформы. Врачи отсутствовали, а эти работники присутствовали не для того, чтобы оказывать помощь больным, а только констатировали смерть и содействовали «транспорту» — скорее нагружать на подводы мертвых или полуживых людей.

Людей сваливали в ямы, заранее для несчастных приготовленные. Вот туда и я мог попасть, если бы Бог не послал человека для моего спасения.

По договоренности с моим сыном, доктор - старичок который жил против моей квартиры, посещал меня несколько раз в день. Хозяйка квартиры, когда узнала, что я болен тифом, настаивала перед доктором, чтобы отправить меня в эти смертные, санитарные бараки.

Как-то утром пришел доктор. Я был в минутном сознании. Он воспользовался этим и предупредил меня. Если хозяйка спросит меня, чем я болен, то я должен говорить — возвратным тифом. Он и меня уверил в этом.

Как я потом узнал, хозяйка согласилась оставить меня на квартире и не выдавать санитарным транспортам, после того, как доктор убедил ее, что я болен возвратным тифом, так как возвратный тиф не заразителен.

И вот, благодаря этому милому доктору, я остался жив. Бог не дал мне погибнуть. Он послал добрых людей, которые вырвали меня из объятий смерти.

ИСКУССТВЕННЫЙ ГОЛОД И ТЕРРОР НА ДОНУ.

С момента прекращения белого движения в 1920 году, над казачеством Дона нависла черная хмара расправы. Каждую ночь «черный ворон» выхватывал свою жертву и уносил ее бесследно и навсегда...

Страшный Дамоклов меч всегда висел над головой каждого, никто не был застрахован от его беспощадного удара.

Население Дона переносило этот жесточайший террор почти без сопротивления: оно было обескровлено, так как казачество больше всех пострадало при борьбе с большевиками.

В Донскую армию входило все казачье население, способное носить оружие. И эта армия отошла до самого моря. Но она в своем большинстве не попала на пароходы для дальнейшего отхода, по разным причинам: одни нужны были для прикрытия погрузки на пароходы и не успели сесть за неимением времени, другие хотели умереть на своей родной земле с оружием в руках.

А затем — больные и раненые, оставшиеся на пути отступления, а их было много, ибо тиф всех форм в то время был жесточайшим бичом.

Эти остатки Донской армии были в большинстве захвачены в плен и почти поголовно уничтожены. Немногие из них рассеялись по всему Кавказу, спасаясь, как и кто мог.

Систематическое, и как бы втихомолку, но по особому плану, вылавливание казаков продолжалось до 1930 года — исчезали люди, то тут, то там, каждую ночь.

После этого года уничтожение казачества приняло ужасающие размеры; особенно был тяжел 1933-й год.

Правительство совдепии решило свой план закончить в ударном порядке, и избрало новый метод уничтожения казачьего населения: путем раскулачивания, через своих уполномоченных — чекистов. Во главе последних, на Дону, стоял известный садист и убийца Государя Императора Николая 2-го — Белобородов. Он, находясь в Ростове на Дону, проводил

коллективизацию и кампанию по ликвидации «кулаков». В его обязанность входило распыление и уничтожение казачества.

Для выполнения своей работы, уполномоченные организовали в хуторах и станицах местные активы — из шкурников, лодырей и всяких проходимцев. Вот с этими подонками началось уничтожение населения Дона.

В активе бедноты, главным образом, состояли переселенцы из центральных губерний России. Все те, кто мало-мальски противился варварскому методу ограбления и укрывал свое добро — зерно, муку и другое какое-либо продовольствие и вещи, сохраняя их для своего насущного питания и необходимости, — немедленно арестовывались и высылались в концлагеря, а все их имущество конфисковалось.

Все отобранное сосредотачивалось в особых базах, и это чужое добро бесхозяйственно расходовалось без учета и контроля.

Были созданы склады и открыты магазины в городах и более населенных местах, как будто для местного населения, но в этих магазинах купить что-либо было почти невозможно. Объявлялось, что сегодня будет в продаже — то или другое. Народ толпился в очередях, между собою ссорился. Магазины открывались не спеша, под предлогом приготовления товара к продаже. Когда магазин, наконец, открывался, то только десятку-двум счастливым из тысячной толпы удавалось купить сырой, из суррогатов, хлеб, ячменную крупу, или квашенную с червями капусту и прочую дрянь. После чего объявлялось: продукты распроданы. Милиция немедленно разгоняла толпу со скандалом, с шумом и побоями. Такое издевательство повторялось изо дня в день.

Вследствие недостатка продуктов питания, начинались грабежи и воровство. Особенно отличались воровством служащие и рабочие складов и магазинов. Прекратить его было невозможно. Расхищаемые товары и продукты менялись, или продавались на черных рынках и базарах. Все люди, которые не успевали убежать с черных рынков и скрыться от облавы милиции, задерживались и направлялись в принудительные трудовые лагеря. Этот хаос, голод, недостаток во всем вынуждал людей на всякие преступления.

Служба или работа были обязательны для каждого, но они не обеспечивали в материальном отношении, не хватало даже и

на скудную жизнь семейства. Но работать было нужно, ибо кто не работает, тот не ест. Это был лозунг советов, и он строго выполняется.

К работе строго принуждали, и за каждое опоздание опоздавший строго карался, вплоть до заключения в тюрьму или в трудовой лагерь.

Карточки были введены только для городского населения рабочих районов. В хуторах и станицах карточек не было. Люди, связанные с сельским хозяйством, должны были как-то сами себя снабжать, из тех остатков продовольствия, которые они имели после сдачи продуктов государству. Норма сдачи по продналогу или разверстке всегда умышленно преувеличивалась, и земледельцу для своей нужды ничего не оставалось. Несдача полностью или несвоевременная сдача каралась ссылкой в лагерь с конфискацией имущества.

В хуторах и станицах происходила еще большая трагедия. Ограбленное сельско-хозяйственное население буквально голодало. Люди умирали, и их смерть никто не оплакивал.

Кошки, собаки, коровы, у кого они сохранились — были все съедены. Трава, колючки, солома терлись на камнях, и из этого неудобоворимого для человека суррогата, с примесью частицы отрубей или муки, приготавливалось подобие хлеба.

Голодный ужас охватил когда-то цветущую, плодородную Донскую область. Люди бежали, кто куда попало, чтобы спастись от голодной смерти и преследований, но это не всем удавалось, и не все это могли сделать...

Матери, потерявшие рассудок, ели своих детей.

На железнодорожных станциях валялись разложившиеся трупы людей из хуторов и станиц, так наз. «мешочников». Мешочники без билетов на товарных или других поездах рыскали, в целях достать пропитание для себя и семьи. Но, не достигнув цели, ослабевали и голодные умирали. А дома ждали их семьи, пухли с голода и также умирали.

Некоторые хутора пустели. Когда люди умирали последними, они разлагались, ибо убирать их трупы было некому. Бродячие собаки и другие звери пожирали непогребенные трупы несчастных людей.

В то время всякие обряды, записи, статистика были нарушены. Люди потеряли свою ценность, жизненные устои были сломаны.

Пришла весна, а правительственные задания посевной кампании выполнять было некому и нечем, ибо все было съедено и уничтожено. И тогда только «высокие» уполномоченные правительства, которые находились на Дону, убедились, до чего они дошли (другими словами, «план по заданию выполнили»).

Это чудовищное разложение хозяйства и уничтожение населения скоро стали известны Центру. «Центр — политбюро» послало на места своих сверх-уполномоченных, которые, возвратясь, доложили о разрушении и о всем том безобразии, что сделали их доверенные по их заданию.

Тогда сам «великий сатана» Сталин поспешил обвинить своих не в меру исполнительных опричников в «перегибе» его распоряжений. Сонмы их, как виновников, были осуждены и ликвидированы или сосланы в те же лагеря смерти, чем и оправдался перед народом «великий» вождь. Но его злое дело было сделано, Донская область разорена, а население в большинстве уничтожено.

Бог сжалился над остатками людей. И в этот страшный год послал необыкновенный урожай. Земля родила хлеб на незасеянных полях, уродился так называемая «падалка». Этот урожай превосходил своим обилием всякий посевной. Это было поистине чудо Господне! Промысел Божий сохранил остатки населения и Своей Божественной силой приостановил народное бедствие.

Когда оставшиеся люди собрали Богом данный, неожиданный урожай, и наполнили свои житницы зерном, погреба овощами, а с садов получили обилие урожая разных фруктов, все как будто стали отдыхать, приводя себя в чувство. Но верховные советские властелины не оставили население в покое.

Поздней осенью этого же года на готовые хлеба стали маршрутом направляться переселенцы из центральных губерний, которые распределялись по хуторам и станицам. Прибыла беднота с семьями, занимала пустые дома и пользовалась всем хозяйством беспризорных домов (вымерших и сосланных в лагерь смерти хозяев). Казачье население обязали кормить пришельцев до нового урожая.

Наступила зима, топливом пришельцы себя своевременно не обеспечили, и зимой приступили к уничтожению прекрасных деревьев в садах. За одну зиму почти все приусадебные

сады были вырублены и сожжены.

Из этих переселенцев и остатка местного казачьего населения, зимой, готовясь к весне, власти усилили организацию колхозов.

Колхозы организованы, началось хозяйство по-новому.

Остатки казачьего населения в колхозах были унижены, запуганы властью и новыми пришельцами. Пришельцы — красные хамы стали в станицах и хуторах главарями, а над полями и имуществом «хозяевами». Хозяйничали по-своему — нерадиво и неумело, отчего результаты урожая были плохие, что приписывалось вредительству казачьего населения, за что судили — и опять ссылка на Колыму и в другие места. А другие видя несправедливое притеснение со стороны пришельцев и поощрение властей, старались рассеяться, куда только возможно.

Искусственно созданный голод в Донской области преследовал цель уничтожения всего здорового населения казачества под видом кулаков, подкулачников и вредителей.

Подкулачники — это тот здоровый элемент, из бедняков и средняков, которые осмелились говорить правду о несправедливых действиях властей; они за эту правду ссылались в лагеря вместе с кулаками. А кто же кулак? Это зажиточный хлебороб, который сам на своем поле работал, от утра и до ночи, не разгибая спины.

Некоторые из казачьего населения, предвидя террор при раскулачивании и коллективизации, заранее запаслись поддельными документами, бежали, бросали свои насиженные гнезда и все добро.

Старики, больные и дети раскулаченных семейств изгонялись из своих домов и из хутора. Выселенные, в отчаянии и без надежды дальнейшей возможности к существованию, уходили в балки, овраги, в поле, а там как дикие звери, рыли для себя пещеры-землянки, в которых спасались от стужи и ненастья. Многие, терзаемые бесчеловечным обращением со стороны власть имущих, голодные, лишались рассудка и погибали, а некоторые кончали жизнь самоубийством.

Несмотря на риск и угрозы властей, казачье население, оставшееся до поры до времени не раскулаченным, старалось, по возможности, помочь этим отверженным — несчастным му-

ченикам — питанием, одеждой и устройством им землянок-нор.

Все происходившее в связи с этим жестоким, беспрецедентным в истории террором, — страшнее моих бледных строк. Я не в силах описать все то, что пережило казачество Дона в эти дни лихолетия.

Я пишу истину, ибо в таком положении оказался мой отец, восьмидесятилетний старик, с больной невесткой и двумя ее детьми. Муж невестки, мой брат Яков, был сослан, как кулак, в Казахстан на постройку железной дороги, где скоро умер от голоду. Шестилетняя дочь брата Нина не вынесла холода и голода и в эту страшную зиму умерла в холодной, сырой пещере в балке.

Невестка Ульяна Ивановна в это жуткое время была беременна и преждевременно разрешилась от родов мертвым ребенком. Весной, когда она выздоровела, то была сослана в лагерь смерти, вместе со своим тринадцатилетним сыном Колей и другими такими же несчастными людьми.

Вот пример — семья брата полностью уничтожена... А сколько таких семейств подвергалось уничтожению?

Имею сведения, что в хуторе, где жил брат, было около 200 дворов чисто казачьего населения, они все уничтожены или распылены способами, указанными выше. А их места заняли, по приказу правителей советов, переселенцы из центральных губерний.

ТЕРРОР НА КУБАНИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ.

(1920 - 34 г. г.)

Если Донская Область переносила невероятные муки тирании от большевистского преследования, то на Кубани было еще хуже. Там происходило более грубое, ничем не прикрытое, уничтожение ее населения.

Географическое положение территории Кубанского Войска представляло большие возможности для организации сопротивления: соседство гор, ущелий, лесов способствовало созданию партизанских отрядов. Горцы Карачая и Черкессии, также преследуемые коммунистической властью, симпатизировали казакам-партизанам и при всякой возможности помогали им. К этому нужно добавить, что те казаки Донской Армии, которые не попали на пароходы или по каким-либо причинам сами не захотели покинуть родную землю, в большинстве своем остались на Кубани. И когда сов. власть приступила к вылавливанию участников белого движения, все эти притесняемые люди соединялись в отряды и группы, и начинали ради самозащиты борьбу с большевиками. Так стало шириться казачье партизанское движение.

В ответ сов. власть усилила террор, наводняя станицы и хутора войсками «специального назначения», чинившими жестокую расправу над местным населением. Этот террор вызвал ряд восстаний — казаки с помощью партизан восставали целыми станицами, а партизанские казачьи отряды не раз вступали в бой с чекистскими войсками.

Сов. начальство неоднократно прибегало к излюбленным им провокационным хитростям и обманам, вывешивая на стенах хат воззвания, в которых обещалась амнистия партизанам и прекращение террора в случае выдачи главарей. Но казаки уже хорошо знали лживость этих обещаний, среди них предателей не оказалось, а наоборот, деятельность партизан усилилась. Партизаны казаки были неуловимы, беспощадны к чекистам и их пособникам, мстя им за расстрелы своих семейств.

Местные сов. войска не могли справиться с партизанским движением. Были вызваны для подавления разрастающегося, как

они называли, «бандитизма» особые кавалерийские части. С их прибытием террор и расстрелы усилились. Таким путем сов. власть стремилась воздействовать на население, вынуждая его, в свою очередь, подействовать на партизан казаков, которые для спасения своих семей принуждены были бы прекратить борьбу. В то же время большевистское начальство вновь обещало амнистию и прекращение террора. Партизаны, убедившись, что их сопротивление слишком тяжело отражается на населении Кубани и соседних народностей, были принуждены прекратить борьбу. Часть из них скрывалась где могла, некоторые ушли в Закавказье, отдельные казаки пробрались в Турцию и Персию.

После 1930 года сов. власть решила, что партизанское движение окончательно подавлено. Тогда было решено приступить к выселению оставшегося кубанского казачества в далекие северные, за полярным кругом, лагеря смерти.

Для этого была создана специальная комиссия, из отпетых жестоких чекистов-садистов, под председательством и ныне здравствующего «товарища» Лазаря Кагановича. Теперь его власть сильно пошатнулась, возможно, он сам попадет в те же лагеря смерти, в которые он безжалостно посылал казаков, и это было бы весьма желательно, а для него поучительно и полезно.

Каганович был облечен всею полнотой власти и действовал жестоко и коварно. Этот неограниченный диктатор имел свою резиденцию «на колесах» — в особом поезде, в составе более двадцати роскошных царских вагонов, со всеми удобствами, и находился под опекой верной и многочисленной охраны чекистов.

Обычно, поезд останавливался в стороне от станции на запасных путях, специально приготовленных для этого. В начале комиссия Кагановича действовала мирно и «любовно». Проводились беседы и давались разные обещания о будущей счастливой жизни. Замаслив бедноту своей ложью, Каганович издавал строгий приказ о «добровольной» сдаче оружия. А когда оружие было сдано и был составлен при помощи бедноты, главным образом, из иногородних список всего населения станицы, с пометками, кто подлежит выселению, тогда на станцию подавалось соответствующее количество скотских вагонов. В один прекрасный день объявлялось, что такая-то

семья подлежит выселению, им явиться в полном составе на станцию. Их, конечно, сопровождали чекисты.

Всем этим семействам было предложено сдать ключи местным властям, и им говорилось, что их, якобы, посылают на временные работы и они скоро возвратятся в свои очаги. На самом же деле, эти несчастные посылались в лагеря смерти — навсегда.

После их отъезда прибывали транспорты из центральных губерний России с людьми, которые комиссией Кагановича распределялись по освобожденным домам сосланных казачьих семей, с правом пользоваться всем, что осталось в доме и хозяйстве, а оставалось все...

Из этих пришлых людей была организована местная власть. Оставшиеся казаки были взяты на подозрение и за малейшее неповиновение, часто мнимое, местной властью карались опять-таки ссылкой в лагерь.

Пришлый элемент держал себя вызывающе, ибо он поощрялся к этому свыше. Из него были созданы дружины, как бы местная полиция, которая действовала под руководством чекистов.

После обработки данной станицы, комиссия Кагановича со своей многочисленной охраной переезжала в своих вагонах в другую станицу. На все время ее деятельности, во всех станицах был запрещен въезд и выезд. Все находилось под строгим контролем Че-Ка и местных советов.

Первая станица, подвергшаяся выселению, была Кореновская.

В 1944 г., будучи уже в Германии, я встретил знакомого казака донца Агеева, с которым я был знаком по белому движению 1918-19 г.г. Агеев при отступлении белых армий заболел тифом, а после выздоровления добрался домой на свой хутор, близ Константиновской, на левом берегу Дона.

Во время раскулачивания он бежал на Кубань и на станции Кореновская устроился под вымышленной фамилией смазчиком. После к нему переехала семья. На станции Агеев проработал до прихода немцев. Он мне и рассказал про выселение казачьего населения этой станицы. Видно было, что трагедия выселения была настолько жуткой, что за 14 лет она не изгладилась из его памяти, а жена и мать его, присутствовавшие при нашей беседе, горько плакали. По его сло-

вам, выселяемые казаки кубанцы знали, что их выселяют из их домов, с родной Кубани, навсегда. Поэтому то их погрузка в поезд была необычайно трагична: плач, смертные обмороки, сопровождавшиеся в то же время расправой чекистов со стариками, женщинами, детьми. Со стороны невозможно было смотреть на эту душераздирающую сцену: окровавленные матери хватили своих детей, прижимали их к груди, теряли сознание, а чекисты бросали этих полуживых людей в вагоны и запирали их на замок... Но все же они не могли справиться с посадкой. Казаки, казачки и дети собрались тесной толпой, которая, будучи прижата к вагонам, все же не желала грузиться. При этом они со слезами и с большим подъемом с чувством душевного страдания и скорби запели: «Ты Кубань, ты наша Родина, вековой наш богатырь...»

Угрозы и побои не помогали... Казаки как будто не замечали чекистов, ни наносимых им побоев, а продолжали со слезами петь. Эта жуткая сцена подействовала на рядовых красноармейцев, на глазах некоторых были слезы, как говорил Агеев. Начальники их, боясь бунта, поспешили сообщить о происходящем Кагановичу, прося принятия чрезвычайных мер. Пришел новый, усиленный отряд чекистов, а казакам было объявлено, что при невыполнении приказа о посадке будет применено оружие. Казаки, поняв серьезность положения и безрезультатность сопротивления, стали грузиться, но продолжали свое пение.

Когда эшелон с несчастными людьми, в запертых на замки вагонах, отошел от станции, плач и пение были еще долго, долго слышны... Агеев говорил, что все служащие и рабочие станции, имевшие возможность видеть эти сцены, плакали и долго провожали глазами этот трагический поезд.

Несмотря на строгое запрещение хуторам и станицам общаться между собой, слухи о работе комиссии Кагановича стали быстро распространяться по Кубани. Уцелевшие казаки снова стали убегать из своих станиц и хуторов в местные партизанские отряды, тогда еще кое где существовавшие, но не проявлявшие такой активности, как раньше: они только скрывались, как могли. Партизанское движение стало принимать все большие размеры. Карачаевцы, черкессы, кабардинцы, ингуши, осетины, которые также в то время подверглись сильным притеснениям, также волновались и восставали.

К началу весны 1930 г. в верховьях рек Кубани, Малки, Белой, в горах Хаморы, Учкулана и в окрестностях городов — Владикавказе, Грозном и др. собралось несколько десятков тысяч партизан. Сов. власть в станицах, хуторах, аулах и некоторых городах этих районов была парализована: сов. работники бездействовали, скрывались или бежали.

В марте повстанцы и партизаны перешли в наступление, но к сожалению, восставшие не имели хороших руководителей и, не наладив необходимой связи между собой, действовали без плана — стихийно.

Спустившись с гор и двигаясь к главной Владикавказской магистрали, кубанские повстанцы уже подходили в ЖД узлу Минеральные Воды, когда навстречу им прибыли бронепоезда и многочисленные эшелоны с частями красной армии. Начались неравные бои. Против казаков-партизан, вооруженных только винтовками и небольшим количеством пулеметов, действовали многочисленные отлично вооруженные регулярные части. Ими были применены броневики, артиллерия и даже самолеты. Повстанцы не ожидали такой огромной силы и были со всех сторон окружены. Их сопротивление было сломлено после отчаянных упорных боев. Они должны были уступить силе, их отряды рассеялись, но многие из них пали в неравных кровавых боях.

Долго еще оставались карательные войска советов «наводить порядки» на Кубани и Кавказе. Террор был неописумо жестоким. Много было жертв, как при подавлении восстания, так и позже — беспощадно сжигались станицы, хутора, аулы, а их население уничтожалось.

Но знаменитая комиссия Кагановича прекратила свою гнусную работу, не выполнив задания. Ему показалось страшным работать там, где стреляют, ибо он, со своей опричиной, мог расправляться только с обезоруженными казаками, женщинами и детьми, ссылая их целыми поездами на верную смерть в лагеря, для этого предназначенные. Комиссия ретировалась в Москву, с докладом о своей деятельности «великому Сталину».

Место Кагановича на Кубани заняла карательная армия, которая расправлялась с ее населением, не нуждаясь уже в вагонах, ибо на месте уничтожала всех тех, кого нужно было вывезти в лагеря смерти.